

A movie poster featuring a man with a beard and a woman holding a young child. The man is wearing a white shirt and a dark tie. The woman has long dark hair and is wearing a white dress. The child is wearing a white shirt and suspenders. The background is a modern interior with a window showing a city view.

ВИКТОРИЯ
ВИШНЕВСКАЯ

Его (не)
РОДНОЙ СЫН
НАС БОЛЬШЕ НЕТ

Виктория Вишневская

Его (не) родной сын.

Нас больше нет

<https://litres.ru/74413123>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Выметайся, — первое, что слышу от мужа, когда он возвращается с работы. — Ты ещё здесь?

– Май, ты чего? – спрашиваю, отпружинивая с дивана. Я не узнаю человека, с которым провела чудесных пять лет брака. Любящий муж внезапно превратился в чужака.

Он резко шагает ко мне и протягивает смятый лист бумаги.

Тест на отцовство?..

– Зачем ты?..

Он сделал тест-ДНК с Павликом? Сомневался, что он его сын?

– Были причины, – холодно произносит муж. И разочарованно продолжает: – Я тебя любил, а ты

– Это какая-то ошибка, – пытаюсь его вразумить. Слёзы подкатывают к глазам от растерянности. – Давай перделаем тест?

– Нет, Ангелина. Мне хватило одного раза. А теперь собирай вещи и езжай со своим сыном куда хочешь. Мы разводимся.

Ноги становятся ватными, и я готова осесть на пол. «Со своим сыном»

Как удар под дых.

– Это твоё последнее слово?

– Да. Развод.

– Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – медленно и отчётливо произношу. – Но тогда будет уже поздно, Пятницкий.

Содержание

Глава 1. Ангелина	5
Глава 2. Май	11
Глава 3. Ангелина	18
Глава 4. Май	25
Глава 5. Ангелина	31
Глава 6. Ангелина	37
Глава 7. Май	42
Глава 8. Ангелина	48
Глава 9. Май	53
Глава 10. Май	57
Глава 11. Ангелина	62
Глава 12. Май	70
Глава 13. Ангелина	74
Глава 14. Ангелина	79
Глава 15. Май	87
Глава 16. Ангелина	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Виктория Вишневская

Его (не) родной сын.

Нас больше нет

Глава 1. Ангелина

– Выметайся, – первое, что слышу от мужа, когда он возвращается с работы.

Я вздрагиваю от резкого, грубого голоса и инстинктивно вжимаюсь в мягкую спинку дивана. Сердце начинает бешено колотиться. Май никогда не говорил со мной так. Никогда. Даже с другими людьми он всегда был спокоен и сдержан.

Но в гостиной кроме нас – никого. Павлика я уложила спать ещё час назад, чтобы вечером спокойно погулять всей семьёй.

Май обещал, что после работы мы отправимся в парк. Но вместо этого передо мной стоит совершенно чужой человек с холодными глазами и сжатыми кулаками.

– Ты ещё здесь? – бросает он с презрением, словно я чужая, нежеланная гостья в его доме.

Свирепый взгляд убивает наповал.

– Май, ты чего? – спрашиваю, отпружинивая с дивана. Я не узнаю человека, с которым провела чудесных пять лет

брака. Любящий муж внезапно превратился в чужака.

Он резко шагает ко мне и протягивает смятый лист бумаги.

Я беру его дрожащими пальцами, не понимая, что это такое. У нас никогда не было секретов друг от друга.

Разглаживаю листок и читаю заголовок.

Тест на отцовство?..

– Зачем ты?.. – в горле пересыхает, но я всё же выдавливаю эту вымученную фразу. Мир вокруг словно переворачивается с ног на голову.

Он сделал тест-ДНК с Павликом? Сомневался, что Паша – его сын?

Мы вместе уже пять лет, и за всё это время между нами не было ни ревности, ни подозрений, ни ссор.

– Были причины, – холодно произносит он, сжимая кулаки так сильно, что костяшки пальцев белеют. Его лицо искажено злостью, желваки ходят по скулам, глаза налиты кровью. А и так крупная фигура будто надулась от напряжения. – Я тебя любил, Гель, а ты...

Будь у него возможность – он бы облил меня дерьмом. Но у нас правила – в доме мы не ругаемся. В месте, где растёт его сын, который может запросто повторить ругательство за ним.

– Май, это какая-то ошибка, – пытаюсь его вразумить. Слезы подкатывают к глазам от растерянности и того, что муж впервые повысил на меня голос. – Давай переделаем

тест?

Почему он решил его сделать – разберёмся потом.

– Нет, Ангелина. Мне хватило одного раза. А теперь собирай ваши вещи и езжай со своим сыном куда хочешь. Мы разводимся.

Ноги становятся ватными, и я готова осесть на пол.

«Со своим сыном»...

Как удар под дых, который лишает дыхания.

В голове мелькает множество сцен, где Май держит его на руках, целует в щёчку. Где купает его, носит на руках, а перед сном читает сказки и шепчет слова о любви.

И так просто отказывается от него? Из-за одной ошибки?

– Может, настоящего папашу ребёнка обрадуешь, – бросает с презрением, кривясь.

– Май, послушай меня! – кричу я, срывая голос. Подбегаю к нему, попутно спотыкаясь о ковёр и чуть не летя вниз носом. Хватаюсь за хлопковую рубашку, под которой скрываются стальные и широкие плечи.

Всё происходящее кажется дурным сном! И я готова зажмуриться, ущипнуть себя до боли, лишь бы быстрее проснуться и забыть этот кошмар.

– Он твой сын, понимаешь? Твой! Я люблю только тебя! Да и с кем бы я могла? Пятницкий, ты был у меня первым! Единственным! – не выдерживаю и начинаю бить его кулаками по плечам, пытаюсь хоть как-то достучаться до него.

Но он не слышит. Его злость застилает ему глаза!

А тест-ДНК – полная чушь! В клинике явно ошиблись!

– Вот эта бумажка, – Май резко вырывает листок из моих рук, сминает и бросает на пол, – говорит совсем другое. Вспоминай лучше, с кем ты там кувыркалась.

Я отступаю на шаг, обхватываю себя руками, словно пытаюсь защититься от его слов. Губы дрожат, слёзы жгут глаза, но я не позволяю себе заплакать.

Разве могла я подумать сегодня утром, провожая его на важную встречу, что вечером он будет обвинять меня в измене?

– Я тебе не изменяла, – произношу я медленно и чётко, глядя ему прямо в глаза.

Он усмехается, поднимает взгляд к потолку и качает головой.

– Я пять лет жил во лжи. Больше не хочу. Собирай свои вещи, Апрелька, и валите отсюда.

«Апрелька».

Теперь это прозвище звучит холодно и чуждо. Когда-то он называл меня так нежно, с любовью, потому что я родилась в апреле, а он – в мае. Теперь же в его голосе нет ни капли тепла...

– Это твоё последнее слово? – спрашиваю я резко, стараюсь скрыть дрожь в голосе. Слёзы снова подступают к глазам, но я не позволяю им пролиться. Нельзя унижаться. Он и так уже втоптал меня в грязь, обвинив в измене и лжи.

И если он не желает меня слушать... Сам виноват, Пят-

ницкий!

– Да. Развод. На алименты не рассчитывай, причитающиеся бабки получишь после развода.

Эти слова звучат хуже пощёчины. За годы брака мы почти ничего не нажили. Как любит говорить моя свекровь, я «пришла на всё готовенькое». Когда мы поженились, у Мая уже была машина и этот дом. Делить нам практически нечего.

И алиментов тоже не будет.

Он прекрасно знает, что я сижу дома в декрете и никогда не работала. Да, у меня есть диплом о высшем образовании, но кому нужен сотрудник без опыта работы и с маленьким ребёнком на руках?

Ладно, сейчас не время думать о деньгах! Я не собираюсь унижаться и валяться у него в ногах.

– Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – медленно и отчётливо произношу. – Но тогда будет уже поздно, Пятницкий.

Ничего не отвечает. Смиряет меня равнодушным взглядом. Но я замечаю, как в глубине его глаз, всегда таких уверенных и сильных, появляется едва заметная влага. Он не плачет, нет. Просто он разочарован

И это так паршиво...

Он не хочет меня слушать. Не хочет повторить тест. Он не верит собственной жене...

Собрав все силы, отворачиваюсь от него и направляюсь в

комнату к Павлику, давая волю чувствам под грохот грома за окном.

Глава 2. Май

Май

– Май Викторович, вы с нами в ресторан идёте? – спрашивает секретарь, заглядывая в кабинет и вырывая меня из задумчивости. – Отмечать утверждение нового ювелирного магазина. Вы всё-таки оплатили нам стол, хоть канapé съесть можно!

– Нет, не пойду, – отвечаю, улыбнувшись.

С подчинёнными у меня доверительные отношения. Даже на подобные встречи они зовут меня, своего начальника, не боясь, что после одного вечера пойдут под сокращение.

И я бы не заметил этого, если бы Геля однажды не сказала, что все в компании меня уважают и ценят. А за спиной ещё и восхищаются.

Как вспомню – хохотать хочется.

У нас просто взаимоуважение.

– К жене спешу. Домой.

«Домой»...

Перед глазами круглое щекастое личико Павлуши. Его карие глаза-бусинки. И как он тарашит их, гарцуя с места. Бежит ко мне, врезаясь в ноги и встречает с работы громким: «Папа пишёл!».

Опять думаю о сыне, о жене, и быстрее начинаю стучать по клавишам. Надо разобраться с последним на сегодня де-

лом, поехать домой, забрать семью и ехать в парк. Последнее – вряд ли получится по собирающимся на небе тучам. Но ничего, зато поужинаем в каком-нибудь новомодном ресторане.

– Семейный вы человек, – тепло замечает Роман, всё ещё стоя в дверях кабинета. – Повезло же вашей жене.

Я качаю головой. Скорее уж мне повезло с ней. Ангелина хозяйственная, добрая, милая, душа любой компании. Верная и любимая. А главное – она подарила мне сына.

– Иди уже, – отмахиваюсь от него, возвращаясь к работе. Параллельно слышу пиликающее сообщение на почту. Что там ещё?

Открываю, а там письмо от клиники. В заголовке: «результаты теста».

Хм, в последнее время я не был у врачей. Наверное, Апрелька указала мою почту, позабыв свою? Дурашка, надо будет напечатать ей и на лоб приклеить.

Открываю письмо, но развернуть файл не успеваю. Телефон вибрирует.

Любимка что ли?

Хватаю телефон, поскорее желая услышать жену.

Но на экране высвечивается «Мама».

– Привет, мам, – говорю я, слегка усмехнувшись. В последнее время мама стала слишком часто звонить и приезжать в гости. Мне приятно её внимание, но иногда её чрезмерная забота вызывает вопросы. А ещё она часто приезжает

в самые неловкие моменты, отчего мы запыхавшиеся вываливаемся в гостиную, сразу после попыток сделать Павлуше сестрёнку.

– Ты видел, что тебе пришло на почту? – сразу же начинает она с претензией в голосе.

Я хмурюсь, удивлённо глядя на экран ноутбука.

– Откуда знаешь?

– Я сделала тест ДНК тебе и Павлу, – резко заявляет она. Одно слово приводит в бешенство.

– Нахрена? – огрызаюсь, почувствовав волну ярости и раздражения. Подобного я не ожидал.

– Потому что у твоей мамы хорошая интуиция! Ты результат видел?

– Мама, – произношу я с нажимом, подчёркивая её статус в моей жизни. – Ты сейчас ставишь под угрозу наше общение. Во-первых, я не давал тебе права вмешиваться в мою семью. Во-вторых, как тебе вообще такое в башку взбрело?

– Ты с матерью так не разговаривай. А вспомни её друга, – не унимается она. – Они тесно общались, и она ему явно нравилась! Да и искра у них была!

– Это в прошлом, – чеканю, прекрасно помня Диму. Они поругались и уже давно не общаются. – И ещё одна такая выходка – можешь забыть о внуке. И о сыне тоже.

Последние слова буквально выплёвываю в трубку и отключаюсь. Пульс ускорен, настроение подгажено.

Что на неё нашло? Они с Ангелиной всегда прекрасно ла-

дят. Делятся рецептами пирогов, обсуждают детей. А теперь вдруг такое... Полный бред.

Усмехаюсь и бросаю телефон на стол. Павлуша – мой сын. Это факт, и точка.

Открываю документ, внимательно вчитываюсь в каждую букву. Глаза цепляются за строчку: «Вероятность родственной связи – 0%».

Внутри все переворачивается. Это невозможно. Хрень собачья!

Трясу головой, протираю глаза ладонями. Наверное, просто устал. Перед глазами всё плывёт, буквы расплываются. Но нет, цифры отчётливо видны – ноль процентов.

В голове тут же всплывает недовольный голос матери: «А вспомни её друга».

Стискиваю от злости кулаки. Жму на печать бумажки, которую только получив, от злости сжимаю в кулак. Чёрт возьми, да почему всё так обернулось?

Нажимаю кнопку печати, хватаю листок и тут же комкаю его в руке. Чёрт возьми, почему всё так обернулось?

Не закончив работу, вылетаю из офиса. В гневе сажусь в машину и несусь домой, не замечая дороги. В голове одна единственная мысль: приехать и разобраться.

И прибить Апрельку.

Я ненавижу измены, никогда их не прощу.

Неужели она все эти годы обманывала меня? Держала за дурака?

Наставила рога и живёт припеваючи!

Тут же мысленно одёргиваю себя. Нет, Ангелина не могла так поступить. Просто не могла. Мы живём счастливо, душа в душу. Без лжи, без обид. В любви, чёрт возьми.

Но перед глазами снова эти проклятые ноль процентов. Сжимаю руль так, что пальцы немеют.

Резко торможу у ворот, хватаю задрипанный листок и направляюсь к дому.

Ты обманывала меня, Геля. Предала. Воткнула нож в спину.

Я хочу конструктивного диалога. Объяснений. Но эмоции берут верх. Влетаю в гостиную, вижу Апрельку. Мою Апрельку. Ту самую, в которую влюбился по уши с первой встречи.

Невольно вспоминаю годы нашего брака. Счастливые, тёплые, наполненные любовью.

Лживые годы. Вся эта любовь, вся искренность – оказалась ложью.

– Выметайся, – выпаливаю ей сгоряча. Я не буду терпеть это. И все её слова пролетают мимо. Каждое кажется ложью. Абсолютно каждое. Единственное, что я хочу услышать – это признание, которого так и нет. – Развод. На алименты не рассчитывай, причитающиеся бабки получишь после развода.

Тяжело говорить эти слова.

Пять лет брака рушатся в одно мгновение. Внутри всё сжимается, будто кто-то пропустил мои внутренности через

мясорубку. В голове хаос, в душе бушует буря. Единственное, чего я сейчас хочу – перестать смотреть в эти лживые карие глаза.

– Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – чеканит мне Ангелина с вызовом. – Но тогда будет поздно, Пятницкий.

Не будет. Ребёнок не мой. И этот клочок бумаги – тому подтверждение.

И всё, чего я сейчас хочу – чтобы они убрались из этого дома.

Как только думаю о сыне – сердце тут же сжимается от беспокойства.

Но он не мой.

Ангелина резко разворачивается и почти бегом выходит из комнаты.

А я медленно, на ватных ногах, иду в свой кабинет. Никогда раньше не пил, но сейчас рука сама тянется к бутылке виски для гостей. Открываю её и делаю большой глоток прямо из горлышка.

Проклятый алкоголь обжигает горло, но боль внутри не утихает.

Павлик... Я любил тебя, как родного сына. Но твоя мать меня обманула.

От бессилия и злости я резко ударяю бутылкой по столу.

Стекло разлетается на мелкие осколки, виски проливается на брюки и пол. Мне всё равно. Сажусь в кресло и запрокидываю голову назад, крепко зажмуриваясь. Слезы подступают к глазам, но я не хочу их выпускать. Я редко плачу. Последний раз это случилось, когда впервые увидел сына. Тогда я был счастлив, глядя на этот маленький комочек жизни.

А теперь... Теперь она предала меня.

Я снова тянусь к шкафу, достаю другую бутылку и снова пью прямо из горла, не чувствуя вкуса.

Дождь за окном шпарит, не переставая. Наша прогулка в парк и так бы отменилась. Только я не думал, что всё закончится именно так.

Поворачиваюсь на стуле к панорамному окну и вдруг замечаю две маленькие фигурки, бегущих по двору. Апрелька с чемоданом и сыном за руку бежит по тропинке в дождевике. Опять больно становится.

Я не подумал о погоде, выгоняя её из дома.

В порыве встаю, хочу открыть окно, позвать их обратно. Но обессиленно падаю обратно на стул, заливая горе алкоголем.

Это конец. Нас больше нет.

Глава 3. Ангелина

– Мам, а кутя мы итем? Те папа? – взволнованно спрашивает сынок, перебирая ножками и крепко сжимая мою руку.

Пропускаю его вопрос мимо ушей из-за оглушающих меня слёз. В груди тяжело и больно, будто кто-то разрывает её на части. Ноги вязнут в грязи, и я быстро подхватываю малыша на руки, чтобы он не испачкался.

– Папа... – начинаю я, но тут же замолкаю, проглатывая комок в горле. – Папа остался дома. Мы едем к бабушке. Ты давно у неё не был.

С тех пор, как она нагрубила мне, я перестала оставлять у неё внука. Общались, но я не хотела видеть этого человека, приходилось только по необходимости. А сейчас выбора нет. Либо гордость, либо остаться с сыном на улице. Сбережений у меня не так много. Едва хватит на пару недель.

Но сейчас об этом и думать не могу.

Как ты мог, Май? Поверить в эту чушь?

Я никогда тебе не изменяла! Всегда любила только тебя, а ты... ты не меня предал. Ты сына своего предал.

И от этого хочется плакать ещё сильнее.

Что я скажу малышу? Сейчас я смогу придумать оправдание на неделю, на две. А потом? Как объяснить, что папы больше нет в нашей жизни? Как смотреть в его влажные глазки-бусинки, видеть его покрасневший от слёз носик?

Не смогу...

Так, хватит! Не расклеиваться! Надо взять себя в руки, ради сына!

Останавливаюсь у ворот дома, который так любила. Здесь всё сделано по моему вкусу, каждая мелочь напоминает о счастливых днях. Оставлять его позади тяжело и больно.

Ставлю сына на асфальт, чемодан у ворот. Достая телефон, одновременно поправляя Павлуше капюшон дождевика. Только бы не заболел.

Вызываю такси и нервно переминаюсь с ноги на ногу. Нужно позвонить маме, предупредить её, что мы приедем на пару недель, но язык не поворачивается.

Может, лучше свекрови? Рассказать ей всю эту нелепость, которую вывалил на меня Май?

Любовь Степановна – хорошая женщина, мы всегда были в дружеских отношениях. Но вдруг Май уже всё рассказал ей, и она не захочет меня слушать?

Нет, лучше не звонить.

Смотрю на растерянного сына и быстро нахожу в контактах номер мамы.

Что делать, если она нас не пустит?

Друзей у меня особо нет из-за того, что почти всё время сижу дома, занимаюсь воспитанием сына. Знакомых много, но не настолько они близки, чтобы заваливаться вечером с ребёнком и чемоданом.

– О, привет, – удивлённо говорит мама, вырывая меня из

раздумий. – Давно не звонила.

– Мы тут недалеко, – лгу, вытирая тыльной ладонью нос.
– Хотим с твоим внуком заехать.

Не спрашиваю – можно ли.

– Ну, приезжайте, – вздыхает мама. – Только купите чего-нибудь из еды, у меня кормить вас нечем.

От этих слов становится ещё тяжелее. Я чувствую свою вину.

Когда я познакомилась с Маем, она была счастлива. У него были деньги, а у мамы – страсть к азартным играм. Сколько раз я предлагала ей лечение, но ей нужны были только рыжие купюры, которые она могла проиграть.

Мы долго давали ей деньги, пока я не решила прекратить это. Теперь мама живёт в старой двухкомнатной сталинке, пропахшей сигаретами и одиночеством.

Я знаю, что это отчасти моя вина. Она всегда нуждается в деньгах, потому что тратит их не туда, куда нужно. И помощь в виде ремонта не принимает.

Кое-как заставила её привыкнуть к тому, что раз в неделю закупаю ей продукты. И завтра как раз тот день.

Приезжает такси. Я усаживаю сына на заднее сиденье, крепко обнимаю его, чтобы согреть. По дороге заезжаем в ближайший гипермаркет. Покупаю немного продуктов – нам нужно экономить, пока я не найду работу.

Ещё пару минут стою у банкомата, раздумывая. Стоит снять деньги с карты или нет?

С наличными деньгами ехать к матери нельзя. Я люблю её, но не доверяю. Оставлять деньги на карте тоже страшно. Вдруг Май заблокирует её, и я останусь совсем без средств?

Мой Май бы так не сделал. Того, кого я знала столько лет.

А тот человек, что велел мне уйти из нашего дома... Я не знаю, на что он способен.

Любая другая женщина после такого принципиально не стала бы пользоваться деньгами мужа-подлеца. Но я буду. Не ради себя – ради сына. Мне нужно в первую очередь кормить и одевать его.

И убрав карту в кошелёк, возвращаемся обратно в машину.

Через десять минут такси останавливается возле старой потрёпанной пятиэтажки. Серые стены дома покрыты трещинами, подъезд выглядит мрачно и неудобно. Выглядит всё таким неродным, чужим, хотя я и росла здесь всю жизнь.

Пришло время вернуться.

Помогаю сыну выбраться из машины и ставлю на сырую землю.

– Не убегай от меня, хорошо? – тихо прошу я.

Он коротко кивает и прячет маленькие ладошки в карманы кофточки. Дождевики пришлось снять ещё в машине – водитель не разрешил ехать в мокрой одежде.

Я быстро достаю из багажника чемодан, в котором совсем немного вещей, и пакет с продуктами.

Замечаю влажные волосы Павлика, и не в состоянии по-

мочь ему, прошу:

– Надень дождевик, пожалуйста, а то горлышко болеть будет.

Мой мальчик, единственная сейчас поддержка, слушается и послушно бежит со мной до подъезда. Придерживает мне дверь, запуская внутрь.

Хорошо, что мама живёт на втором этаже – не придётся долго подниматься с чемоданом.

На пороге квартиры нас встречает всё та же женщина с сигаретой в руках. Мама стоит в старом халате, волосы небрежно собраны в пучок, а в воздухе висит густой запах табачного дыма. Интересно, на какие деньги она покупает их? Или стреляет у соседа?

– Убери сигарету, пожалуйста, – прошу я с лёгким раздражением.

В этот момент Павлуша начинает кашлять, прикрывая носик маленькими пальчиками.

– И кури на балконе, хотя бы пока мы здесь. Не хочу, чтобы твой внук задохнулся.

– Только приехала и уже условия ставишь, – мама закатывает глаза, но всё же тушит сигарету о старую тумбочку в прихожей. На поверхности остаётся очередной прожжённый след. – И долго мне мучиться, на балконе под дождём курить?

– Пока не сниму квартиру, —выпаливаю, занося вещи в

квартиру. Снимаю с сына мокрый дождевик и бросаю его в ванную сушиться.

– Что это значит? – ошарашенно шепчет мама. – Тебя муж выгнал? Ой, дура...

– Спасибо за поддержку, мам, - цежу сквозь зубы и сушу волосы сына полотенцем. – Но давай не при ребёнке. Я всё расскажу.

– Давай не при ребёнке. Потом всё объясню.

– А кто нас выгнал? – тут же спрашивает Павлуша, поднимая на меня большие испуганные глаза.

– Не вникай, солнышко, – мягко улыбаюсь я. – Иди в комнату, отдохни немного.

Любознательный сын, который давно не был у бабушки, радостно бежит в комнату. И я обращаюсь уже к маме:

– Посиди с ним, пожалуйста. Я скоро приду и всё расскажу.

– Посижу, посижу, – ворчит она, тяжело шлёпая по деревянному полу старыми тапками.

А я сигаю в ванную, закрываю за собой дверь. Обессиленно сползаю по ней спиной, оказываясь на холодной плитке. Прижимаю к себе колени, и от жалости обнимаю себя, наконец, давая волю чувствам.

Я не могла этого сделать ни дома, ни в такси. Только не при сыне. И сейчас, оставшись одна, не выдерживаю.

Я не знаю, что мне делать. Как жить дальше.

Пять лет я жила с мужчиной, за которым пряталась, как

за каменной стеной. Вся моя жизнь была связана с Пятницким... А теперь он всё запросто перечеркнул, все наши годы брака. Выкинул меня из своей жизни.

От этих мыслей сжимаю кулаки. Любовь к нему увядает так же, как роза. Лепесток за лепестком опадают на землю и засыхает.

Ты сам сделал свой выбор, Май.

Глава 4. Май

Не разлепив глаз, инстинктивно шарю рукой по второй половине кровати, в поисках жены. Нащупываю только холодную простынь.

Пусто. Я привык, что Ангелина всегда встаёт раньше меня и идёт готовить завтрак. Но обычно её место ещё хранит тепло. Сейчас же простыня ледяная, словно никто не ложился рядом всю ночь.

А ведь так и есть.

С трудом открыв глаза, резко встаю и тут же хватаюсь за трезвонящую голову.

Точно, я вчера напился. И теперь, скривившись от головной боли, жалею об этом. Никогда не упивался вусмерть, но вчерашнее событие перевернуло всё вверх дном. Мне хотелось напиться. Забыться. Потеряться.

Но только я опять здесь. В пустой комнате. Без жены.

Алкашка не помогает.

Встаю с кровати, ещё раз разглядываю пустую половину. Сердце сжимается так сильно, что кривлюсь и хватаюсь за грудь. Никогда не подводило, а тут на!

Отхожу от спазма, и еле перебирая ногами принимаю холодный душ, чтобы сделать из себя человека.

Всё ещё не могу принять того факта, что Ангелины больше нет в этом доме.

Как и Павлика.

От вида сына в моих мозгах, от злости бью кафель в душевой. И шиплю сквозь зубы, глянув на кулак. Совсем забыл, что разбил его ещё вчера, когда колотил всё от злости.

Надеялся, что, когда проснусь, всё окажется сном.

Что этого телефонного звонка и теста на почту не было.

И сейчас я спущусь на кухню, увижу улыбающуюся верную жену. Ангелина всегда готовила что-то вкусное и разное: то сырники, то оладьи, то бутерброды. А рядом за столом сидел Павлик, весело болтая ногами и ожидая завтрак.

Но на кухне пусто и тихо. Нет привычного запаха еды, нет улыбки жены, нет детского смеха. Стул, на котором обычно сидит сын, пустует.

Всё такое холодное, чужое, без капли уюта.

Мрачная кухня и такая же погода за окном.

молча завариваю себе кофе и беру в руки телефон. На экране два пропущенных вызова от матери.

Если бы не она... Я бы об этом не узнал.

И я не хочу говорить ей за это «спасибо». Меня устраивал гребаная сладкая ложь, усыпанная сахаром, чем горькая до невозможности правда.

Одной бумажкой перечеркнуто пять лет совместной жизни.

Интересно, Ангелина поехала к матери?

Вспоминаю ту квартиру, в которой она живёт и тут же передёргивает. Хочется вскочить, поехать за ними, забрать

Павлика из той убогой халупы. Но... Это не мой сын. Не мои заботы.

Тогда почему думая об этом, становится так паршиво и волнительно за них?

Да, вчера я перегнул палку. Стоило дожидаться утра. Но ничего не мог с собой поделаться. Ярость разодрала грудную клетку, лишила разума.

Сегодня надо остыть. Поговорить с матерью.

Нет, последнего делать точно не буду.

Открываю телефон, делаю глоток горького кофе и чуть не выплёвываю его. У Гели получалось лучше...

Млять, как мне теперь жить без неё? Дело не в готовке, а в том, что она больше не поцелует меня, провожая на работу. Не вытащит из дома куда-нибудь погулять в выходной. Не обнимет меня перед сном, сопя горячим дыханием мне в грудь.

Сжимаю от злости кулаки.

Готов ли я простить измену и пять лет обмана?

Нет, ни черта. Но с кем она могла мне изменить – пока и представить не могу. Да, у неё был дружок. В какой-то момент они перестали общаться. Я никогда не был против их дружбы, не ревновал её, зная, что она любит только меня. А у него были тараканы.

Может, он узнал о её беременности и сбежал, как трус? А она повесила ребёнка на меня?

Одна мысль об этом – и опять хочется ломать всё вокруг.

В последнем нужно убедиться.

Захожу в телефоне на почту. Опять смотрю на название клиники – пробиваю её по названию. Такая есть, и даже знаю, кому она принадлежит.

Два созвона – выхожу на главного. Обрисовываю всю картину.

– У нас нет продажных врачей, – оскорбляется Рязанов.
– Подделать тест в нашей клинике – невозможно. Всё чисто. Я работаю по законам.

– Проверь, – настаиваю на своём. – Пожалуйста. У меня жизнь могла разрушиться из-за этой ошибки.

– Ладно, – недовольно чеканит. – Друг моего друга – мой товарищ. Узнаю всё, перезвоню.

Отключаюсь, вновь возвращая взгляд на заставку телефона. Радостный Павлуша улыбается во все своим немногочисленные зубы и жмурится от радости, пока я держу его на руках. Геля сфоткала.

Млять, я могу хоть секунду не думать о них?

Бью телефоном о стол.

Да debil!

Проверяю, не разбил ли. Мне ещё звонок ждать. Фух, нет, всё в порядке.

Телефон в руке, как назло, опять вибрирует. Снова мать.

Стискиваю до боли зубы и отклоняю звонок. Не хочу с ней разговаривать. Суёт свой нос туда, куда не надо.

Ожидая вердикта – занимаюсь своими делами. Пытаюсь

обратиться в кабинете. Всё падает из рук, и я забиваю на эту затею.

Телефон через час опять вибрирует. Пришли какие-то видео от Рязанова. Заглядываю, смотрю по камерам, как мать отдаёт материал врачу. Всё со звуком, о деньгах и речи нет. Лишь подозрения матери, что жена сына ходила налево. Уж больно ребёнок на него не похож.

Конечно! Он – копия матери!

Следующее видео из кабинета врача. Ни денег, ни конвертов, ничего. Как обычно суёт материал в какой-то шкаф и дальше оно отправляется в лабораторию, судя по следующему видео с камер. Обычная проверка. Без подкупов, без всего.

Всё заканчивается.

И только сообщение от Рязанова опять вгоняет меня в хандру:

«Я же говорил, у меня врачи честные. Беседу провёл со всеми, проверка была произведена стандартная».

Ничего не отвечаю, встаю с пола разгромленного кабинета, и выхожу из него, сильно хлопая дверью.

Прохожу мимо детской комнаты и что-то заставляет меня остановиться. Рука так и тянется открыть её. Проверить. Там ли Павлик. Но я знаю, что там его нет. Только разбросанные игрушки и запах его детского шампуня.

Отдёргиваю ладонь от ручки.

И направляюсь дальше, понимая, что тест не ошибка.

Ангелина правда мне изменила.

Глава 5. Ангелина

– Мам, не фкусно, – отодвигает от себя сын кашу. Высовывает язычок и показывает, как ему не нравится. На автомате, после бессонной ночи от терзаний, засовываю ложку с кашей в рот. Для меня безвкусно. Ни соли, ни сахара. Хотя я добавляла?..

– Сейчас переделаю, солнышко, – тихо отвечаю сыну и снова насыпаю сахар в кастрюлю. Я смотрю на кашу и жду, когда всё перемешается.

– Ну и чего ты встала? – толкает меня в бок мать, отодвигая от плиты. Хватается за ложку, перемешивая. – Она сама себя не доготовит.

Да, точно...

Сажусь на стул, пока мама всё делает за меня. И бездумно смотрю на пустую пиалу без конфет и печенья. Я ж вчера купила, надо разложить.

– Держи, Павлуш, – осуждающе летит от родительницы, ставя перед внуком тарелку. – Пока твоя мать думает о том, что просрала такого мужика.

– Спасибо за поддержку, мам, – отвечаю ей безжизненно, никак не реагируя. Ночь без сна даёт о себе знать. Мне на всё плевать.

И это самое паршивое.

Надо взять себя в руки, начать крутиться, искать работу.

Но пока не до конца могу прийти в себя. Всё ещё не верю, что вчерашний день был настоящим.

– Как же мы теперь без Мая жить-то будем, – качает головой мама, садясь рядом.

– Обычно, – ровно отвечаю ей без эмоций.

– Папу совут Май, – вдруг говорит мой сынок, внимательно глядя на нас. – Потому мы будем жить бес него? Папа блосил нас?

Ложка выпадает из его маленьких пальчиков и звонко ударяется о стол. Глаза сына тут же наполняются слезами.

Я мгновенно прихожу в себя, подсказываю к нему и бережно беру его лицо в ладони.

– Нет-нет-нет, ты всё не так понял!

Но Павлик уже всхлипывает и тяжело дышит, пытаюсь сдержать слёзы.

– Это другой дядя, просто имя такое же. Ты же знаешь, на свете много людей с одинаковыми именами. Вот где-то живёт ещё один Павлик, только старше тебя на двадцать лет. Планета большая, людей много.

– Та? – с надеждой спрашивает он, поджимая дрожащие губки. – Я увижу папу?

– Конечно! – нагло вру ему, пока не зная, как всё ему объяснить, чтобы не травмировать.

Когда сынок немного успокаивается, осуждающе смотрю на мать. Зачем вообще такие темы при ребёнке начинать?

А она пожимает плечами.

Когда Павлик доедает и бежит в комнату к игрушкам, остаюсь с родительницей наедине.

– Больше не говори подобного при ребёнке, – строго произношу. Она вообще не следит за языком.

– Да само вырвалось!

– Вырвалось, – выплёвываю, разозлившись. А потом понимаю, что мы все на нервах. – Ладно, ладно, бывает. Посиди сегодня с Павликом?

– А ты что делать собралась?

– Съезжу домой.

– Попытаешься переубедить его?

Вчера вечером, когда Павлик наконец уснул, я рассказала ей обо всём. Впервые за много лет мама меня выслушала и даже посочувствовала. Правда, в конце разговора всё равно сказала, что я сама виновата и глупо попалась.

– Мая не переубедишь, – отвечаю я, скрестив руки на груди. Я слишком хорошо знаю своего мужа. Если он что-то решил, то это навсегда. Бесполезно объяснять и доказывать. Он просто не станет слушать. – Но я хочу съездить за нашими вещами. Вчера я забрала только самое необходимое.

– Думаешь, разрешит?

– Я не собираюсь спрашивать разрешения, чтобы забрать свои вещи, – выплёвываю, злясь. – Я никогда не была наглой, но когда дело касается сына, буду. Приеду, соберу его игрушки, одежду. Себе свои прихвачу. Мне надо в чём-то ходить на собеседования. В конце концов, мне диплом за-

брать надо.

– Да куда тебя без опыта возьмут?

– Всё, перестань, – машу головой, прекрасно зная, что она права. Отрываюсь от подоконника и направляюсь на выход из кухни. – Пойду собираться.

Собираюсь я быстро. Надеваю вчерашнюю одежду, не крашусь. Выхожу из дома и еду на маршрутках, чтобы сэкономить деньги на такси.

Когда подъезжаю к дому, сразу замечаю машину Мая в гараже. Значит, он дома. Сердце начинает биться чаще.

Прогонит? Не знаю.

Осторожно открываю дверь своими ключами и захожу внутрь. Оглядываюсь по сторонам, словно воровка. Ещё вчера я была хозяйкой этого дома, а сегодня чувствую себя чужой. Страшно, что Май заметит меня и выгонит, не дав забрать самое необходимое. А ведь часть вещей лежит в нашей спальне.

Стиснув зубы, быстро прохожу в гардеробную. Собираю одежду, обувь. Нахожу диплом, покрытый слоем пыли, и аккуратно кладу его в сумку.

Затем иду в комнату Павлика. Вчера я была слишком расстроена и не подумала о его игрушках. А он плохо без них спит. Быстро собираю любимые машинки и мягкие игрушки сына.

Выходя из детской, я вдруг замечаю фигуру Мая, будто только отошедшей от двери. Сердце замирает от страха.

Может, он не заметит меня?

Но нет. Он останавливается. Оборачивается, и я мысленно прощаюсь с жизнью.

Всегда была такой – неуверенной, робкой, пугливой. Только рядом с ним я чувствовала себя сильной. А теперь снова превращаюсь в ту прежнюю девочку-тряпку.

– Я за вещами Павлика, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. Вспоминаю вчерашний вечер, как он выгнал нас с ребёнком на улицу под дождь. От этих мыслей внутри вспыхивает злость, и я уже увереннее закрываю дверь детской.

– Я понял, – коротко отвечает. Мельком прохожусь по его лицу. Опухший, отёкший, сам на себя не похож. – Забирай. В спальне косметика и ещё твои вещи.

– Как раз шла туда.

Прохожу мимо него и тащуза собой большой чемодан. Сердце ноет где-то в груди, а живот крутит от всей обиды. Надеюсь, что он извинится, скажет, что принял свою ошибку.

Но он молчит.

Прохожу мимо, и только в спину мне доносится:

– Павлик не заболел?

Стискиваю ладонь в кулаки, царапая ногтями нежную кожу.

– Тебя не должны волновать чужие дети, – кидаю зло, не оборачиваясь.

– Я просто не хочу чувствовать себя виноватым. Если ребёнок заболеет из-за меня.

– Раньше надо было думать, – произношу ровно, спокойно, удивляясь самой себе.

Скрываюсь в нашей спальне, где всё пропитано его запахом и задираю голову, чтобы сдержать слёзы.

А ну не плакать!

Увидела его и всё! Опять плакать!

Бью себя по щекам. Я думала, что слёз быть не может, но их ещё море. Разрыдаюсь дома, а сейчас нужно спокойно всё забрать и ехать к сыну.

Пока собираю всё, прокручиваю в голове его слова.

«Павлик не заболел?».

Волнуется, козёл. Захочет его увидеть – и на километр не подпущу.

От злости всё скидываю в чемодан и выбегаю из комнаты. Без труда добираюсь до выхода, так и не увидев Пятницкого.

Глава 6. Ангелина

– Ну и что у тебя там с работой? – недовольно спрашивает мать, шаркая ногами. – Не нашла ещё ничего?

Закусываю кончик карандаша и пытаюсь не выругаться вслух.

Дело дошло до газет.

В интернете ничего толком нет. Я выложила анкету и максимум, что мне предложили – администратор в салоне Вебкам. В тот момент я даже не знала, что ответить. Кто вообще согласится на подобное? Принимать заказы на то, чтобы девушки плясали полуголые перед экранами... Фу, нет!

Было ещё несколько, но все они не подходили тем, что у меня нет опыта работы. Где-то график был нереальный... Понятно, что придётся искать работу на полный день, но как же эта мысль гложет! Не видеть сына целый день... Ужасно для меня и для него. Но ему придётся некоторое время посидеть с бабушкой, пока не пойдёт в сад. В государственный попасть нереально, а на частный у меня нет денег.

Хоть бабушка пригодится, раз ничего не делает, а только бухтит.

Кстати, о бабушках.

Свекровь за эти дни ни разу не ответила на мой звонок. Отчего-то мне хотелось выговориться ей, пожаловаться на сына, но видимо она уже знает «правду» и приняла её. Уди-

вительно, потому что Пятницкий редко звонит своей матери. Нет, у них хорошие отношения, но птенец давно выпорхнул из гнезда, свив своё.

И Любовь Степановна часто приезжала к нам в гости, нянчилась с Павликом и давала советы после его рождения. Была для меня второй мамой, к которой я могла сбегать посплетничать.

А тут... Даже не надеюсь на ответ.

Та семья от меня отвернулась.

Но это не повод унывать! А вот минусы на карте – вгоняют в депрессию.

И почему в браке я никогда не думала о финансовой подушке? А потому что не подозревала, что любимый человек может выгнать меня и сына из дома. У меня было много хобби, но чтобы его монетизировать надо время. И у меня его нет.

Вот и треснули мои розовые очки.

Неожиданно телефон вибрирует, и я дёргаюсь, хватая его со стола. На экране неизвестный номер. Может, по работе?

Отвечаю, машинально выпрямляясь, словно меня видят.

– Добрый день, я менеджер по подбору персонала. Нам требуется посудомойка в ночной клуб. График два на два, работа с десяти вечера, оплата в тридцать тысяч рублей.

Идеальный для меня график и время работы, когда Павлик спит. Меня даже не смущает занятие, но... Тридцать тысяч? Будь мы в маленьком городе, я бы согласилась, не ду-

мая, а тем временем искала параллельно другое место по образованию, но... Не в Питере же и не на троих человек.

Отключаюсь, даже не ответив.

Упав головой о стол, бьюсь о него, думая.

Я уже готова на крайние меры. А именно – блат.

Плюсы от богатого мужа – хорошие знакомые. И сейчас я перебираю в голове всех, кто бы мог мне помочь. К его партнёрам идти нельзя, хоть там и запросто меня устроят к себе. Пятницкий может легко вмешаться в мою жизнь. Возможно, он и не будет делать этого, но пересекаться не хочется.

Нужно идти к конкурентам. А кто у него конкурент? Точнее сказать, кого он недолюбливает, но в лицо улыбается...

Антон Романов!

Вновь выпрямляюсь, тут же захожу в телефонную книгу.

Романов – тот ещё слизняк. Изменил своей жене, которой подсадил на ЭКО чужой материал. А сейчас развлекается с любовницей. Жутко жаль их пару, но мы неплохо общались с Антоном и устроить к себе в компанию возможность у него есть.

У меня нет гордости, поэтому я нахожу его контакт и звоню, набравшись храбрости.

– Романов на связи, – раздаётся высокомерно.

– Привет, Антон, это Ангелина Пятницкая.

Фамилия режет по ушам. Опять перед глазами Май. То, как он делал мне предложение. Романтично, на воздушном шаре в виде сердца. Это было в мае...

– О, Ангелинка, кого-кого, а тебя не ожидал услышать. Что-то случилось?

Знаю, что Пятницкого он недолюбливает.

– Мне нужна твоя помощь.

– Ого, я заинтригован.

– Прозвучит очень странно, но у тебя случайно не найдётся вакансий в кампании? Я ищу работу.

– Ты? Зачем? Пятницкий разорился? Где мне теперь покупать золото, а?

– Мы разводимся, поэтому можешь не беспокоиться о шпионах в своих кругах, – пытаюсь отшутиться. Как всё это унижительно...

– Вот это ты даёшь, – задумчиво проговаривает. – Раз такое дело, для тебя место найду. Приходи в понедельник, если есть корочка, тоже тащи. Обдумаем.

Все говорят, что Романов гнилой тип. Но мне он пошёл навстречу, чему я очень ему благодарна.

– Спасибо тебе огромное! Буду!

Даже если придётся работать с утра до вечера, это лучше, чем жить без денег и думать, чем прокормить ребёнка.

Мы прощаемся, и я радостно подпрыгиваю на стуле.

Хоть какое-то просветление в этой жизни. Всю неделю идёт дождь, погода мрачная, от того и упадническое настроение. Но сейчас за окном засветило солнышко. Пробивается сквозь тучки, и я бегу в гостиную, что временно стала нашей спальней в двухкомнатной квартире, подхватываю сыночка

на руки.

– Пошли погуляем?

– Гулять! – подпрыгивает со своего места и скачет. Но потом резко останавливается, и я понимаю, что сейчас он спросит о папе. Он делает это каждый день, пару раз за сутки, жутко соскучившись по нему. Даже перед сном он ждёт, что Май приедет и прочитает ему сказку.

Но я так ему ничего и не сказала.

И чтобы не прозвучал этот ужасный вопрос, произношу:

– Купим конфет, согласен?

– Да-да-да.

– Беги одевайся, пока погода хорошая!

И к моему облегчению его вопрос так и остаётся неозвученным. А на душе кошки скребут. Потому что рано или поздно мне придётся рассказать ему об отце.

Глава 7. Май

– Май Викторович, вы в последнее время слишком долго в офисе сидите, – голос Ромы резко вырывает меня из работы. Он стоит в дверях, переминается с ноги на ногу и смотрит с осторожным любопытством. – Вас же дома жена и ребёнок ждут. Чего вы тут?

В руке хрустит карандаш, ломаясь пополам. Острая боль на секунду пронзает ладонь. Я раздражённо бросаю обломки на стол и резко поднимаю взгляд на помощника:

– Тебе заняться нечем, кроме как всех по домам разгонять? – выпаливаю зло и резко. – Иди домой, а к начальству не лезь. Я тут за вами, рукожопами, всё переделываю.

Рома широко распахивает глаза, отступает назад и аккуратно прикрывает за собой дверь.

– Извините, до завтра, – тихо произносит он, исчезая.

После хлопка тяжело вздыхаю.

Чего я на него взъелся? Потому что он опять напомнил об Ангелине и Павлике. Последнее время молчал, а сегодня, когда я на пределе, решил подлить масла в огонь.

Да, я всё ещё думаю о них. Невозможно просто взять и вычеркнуть из жизни людей, которых любил столько лет. Особенно когда каждый уголок дома напоминает о них. Каждая комната наполнена воспоминаниями, которые теперь причиняют боль. Всё рухнуло из-за одной матери, разрушившей

семью.

Жить там невыносимо, но я как мазохист каждый день просыпаюсь в этом доме. Продать бы его к чертям собачьим, что я и сделаю после развода.

Встаю из-за стола, устало тру лицо ладонями, пытаюсь хоть немного прийти в себя. Уже привык задерживаться допоздна, но убегать от собственного дома – глупо и бессмысленно.

Выходя из офиса, машинально направляюсь в ближайший супермаркет. Достāju телефон, открываю контакт Гели и, словно по привычке, как дурак, покупаю продукты по последнему списку, который она присылала.

И только на кассе, глядя на полную корзину, бью себя по лбу, понимая, что я дебил.

Какой список? Я теперь живу один и он мне нахрен не сдался.

Ещё и киндеров Павлику машинально набрал. Любит он собирать коллекционные игрушки.

С ума сошёл, точно. Надо уже приходить в себя, иначе свихнусь. Да только продолжаю это делать, раз слышу голос Апрельки совсем неподалёку:

– Да, я поняла. Моя ошибка, я завтра переделаю, – лепечет извиняющимся тоном. Только сейчас замечаю длинные каштановые волосы, собранные в косу.

Ангелина. Стоит ко мне спиной. В белой рубашке и голубой юбке-карандаш.

И что она здесь делает? Её мать живёт не здесь.

– Простите, я не могу вернуться в офис. Нет-нет, я неподалёку, но мне надо домой уже ехать, сын маленький ждёт. Сын...

Когда речь заходит о Павлике мне в грудь словно тысячу копий врезается.

– Да, спасибо большое.

Значит, она устроилась на работу. Вот почему такой строгий внешний вид.

Отключается, закидывает в сумку телефон, хватает пакет и расправляет его.

– Извините, я сейчас, – и пока женщина плачет продукты, Ангелина заканчивает разговор, убирает телефон в сумку и начинает быстро складывать продукты в пакет. Странно видеть её такой нервной и суетливой. Раньше она всегда была спокойной, улыбчивой и уверенной в себе.

А чего ты хотел, Пятницкий? Ты сам перевернул её жизнь с ног на голову.

Как и она твою.

Неожиданно её взгляд падает на меня. Она замирает на секунду, затем быстро отводит глаза и продолжает складывать покупки. Через мгновение снова смотрит, словно убеждаясь, что не ошиблась. Затем демонстративно делает вид, что меня не существует.

Спокойно достаёт карту, оплачивает покупки и, не сказав ни слова, быстро уходит с двумя тяжёлыми пакетами. Я не

свою взгляда с её тонкой, напряжённой спины.

– Мне только киндеры, – машинально произношу я, когда кассирша начинает пробивать мои покупки.

Женщина удивлённо смотрит на гору овощей, творог и пекинскую капусту:

– Остальное не берём?

– Нет.

Кассир быстро пробивает мои покупки, и я выхожу следом за Гелей. На улице прохладно, дует резкий ветер, заставляя меня поёжиться. Я замечаю её фигуру впереди – она медленно идёт к автобусной остановке, словно специально давая мне шанс догнать её обычным шагом.

Сразу замечает меня боковым зрением.

– Мирный договор я не подпишу, даже не надейся, – резко бросает она. – Разводиться будем через суд. С разделом имущества. И знай, я уже подала на алименты, чтобы ты там ни говорил.

Она говорит быстро и нервно, но шаг не ускоряет. Я смотрю на её руки – ей явно тяжело нести два больших пакета. Раньше она никогда не таскала тяжести сама, я сам привозил продукты домой.

– Я знаю, – равнодушно произношу. – Уже получил уведомление.

Алименты платить я не собирался. В тот день. Но сейчас мне настолько всё равно, что я просто хочу, чтобы прошло несколько лет. Чтобы время залечило эту боль, перестало тя-

нуть сердце и мучительно сосать под ложечкой.

– А больше нам не о чем говорить. Перестань идти за мной.

– Моя машина в той стороне, – невозмутимо отвечаю. – Ты устроилась на работу?

– Представляешь, мне надо на что-то жить и одевать СВОЕГО сына.

Последние слова она произносит с особым нажимом, и в груди снова неприятно колет.

Я не знаю, как у неё сейчас с деньгами. У неё есть своя банковская карта, на которую я каждый месяц переводил бабки – на Павлика, на дом, на её личные расходы.

Сколько там осталось сейчас – понятия не имею. По привычке хочется снова перечислить ей деньги, но разве это теперь моя забота?

– Возьми, – протягиваю руку со своим пакетом.

– Спасибо, не нуждаюсь, – отрезает, даже не взглянув на то, что ей дают.

– Я машинально купил киндеров Павлику. Отдай ему. Можешь не говорить, что от меня.

Она резко останавливается, с подозрением смотрит на покупку. И принимает их.

– Нет, я скажу, что от тебя, – выпаливает. Наконец, поднимает взгляд, смотрит мне прямо в глаза. Помню, как влюбился в них, потерявшись. А сейчас... не знаю, что чувствую. – Он скучает по тебе, зовёт каждый день.

И зачем мне она это говорит? Вызывает муки совести? У неё отлично получается.

– И сегодня как раз расскажу, что его отец редкостный мудака. Который вместо того, чтобы послушать его маму, выгоняет ребёнка из дома и откупается шоколадками. Благо-родно, Пятницкий. Считаю, гуманитарную помощь сделал.

Высказав это, она резко отворачивается и, не дожидаясь моего ответа, быстро заходит в автобус, стоящий на остановке.

Сжимаю ладони в кулаки.

Вот и поговорили.

Глава 8. Ангелина

– Ангелина, ну что ты делаешь? – раздражённо спрашивает начальница и резко выхватывает у меня мышку. Она сама быстро кликает по документу, нервно постукивая пальцами по столу. – Ты вообще хоть немного разбираешься в Экселе?

Паршиво становится от того, что на меня орут. Но я сама понимаю, что за дело.

За время декрета я забыла абсолютно всё. Дома не было необходимости каждый день сидеть за ноутбуком и разбираться в таблицах. Теперь даже простые задачи даются с трудом.

Но это мои проблемы. Антон устроил меня в свою компанию по блату, помощником бухгалтера. Пока я только мешаюсь под ногами и создаю проблемы другим сотрудникам. От этого становится ещё хуже. Мой диплом, кажется, годится только на то, чтобы ставить на него чашку с кофе.

– Простите, я исправлюсь, – тихо произношу, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке.

– Давай уже, соберись наконец, – недовольно бросает начальница и возвращает мне мышку. – Витаешь где-то в облаках.

Да это всё из-за Пятницкого!

Мы случайно встретились вчера в супермаркете. Я очень боялась этой встречи и надеялась её избежать. Оказалось,

что компания Романова находится совсем рядом с офисом Мая. Никогда бы не подумала, что они будут работать на одной улице. Когда шла в магазин, я мысленно готовилась к возможной встрече, но, увидев его, растерялась и не знала, как себя вести.

А ещё эти киндеры... Конечно, я передала их сыну и сказала, что это подарок от папы. Но правду не рассказала. Просто не смогла. Я слабохарактерная трусиха. Не хочу видеть слёзы своего ребёнка, хотя понимаю, что рано или поздно придётся сказать ему правду.

Когда начальница уходит – бью себя по щекам. Нужно взять себя в руки! Я не хочу быть бесполезной клушей!

Изучаю старательно программу, чтобы больше таких проблем не возникло. Перепроверяю документы и отдаю Валентине Николаевне на печать. Справляюсь за два часа, но для меня это пока маленькое достижение.

– Ладно, – говорит она уже спокойнее, аккуратно складывая бумаги в стопку и постукивая ими по столу. – Извини, что накричала. Просто сорвалась.

– Да ничего, это же я виновата. Обещаю, что буду прилагать все усилия.

– Надеюсь, – с нажимом произносит она и протягивает мне планшет с двумя листами. – Вот, возьми. Нужно пройтись по офису и собрать подписи у сотрудников. Там написано, к кому подходить и за каким столом они сидят.

– Хорошо, – быстро соглашаюсь и поднимаюсь со стула. –

А что говорить, если спросят?

– Отпускные, – коротко отвечает начальница, уже переключаясь на другое дело.

Я киваю, беру документы и выхожу в большой зал, где сидят остальные сотрудники. До сих пор не понимаю, что можно делать за компьютерами в компании, которая занимается добычей и обработкой металла.

Для меня это загадка. Мне проще объяснить, как яйца влияют на пышность теста.

Хожу от одного рабочего места к другому, собирая подписи. Оказывается, это не так быстро, как казалось. У меня уходит почти час. Наконец, возвращаюсь обратно в кабинет, по пути высматривая кулер с водой. В бухгалтерии закончились стаканчики, пить совершенно не из чего.

Мой взгляд случайно падает на входные двери. Там, вдалеке, словно в насмешку судьбы, я вижу Романова – своего непосредственного начальника. А рядом с ним, с привычно суровым и недовольным выражением лица, идёт Пятницкий.

Да какого чёрта?!

Я пошла работать к человеку, с которым у него стычки, чтобы не пересекаться. А Май, словно зная об этом, вдруг решает зайти «в гости».

Нужно срочно уйти, пока он не заметил меня. Не хочется, чтобы он узнал, где я теперь работаю.

Но как назло, меня останавливает какой-то парень.

– Подождите! А я? Я есть в списке? – спрашивает он.

Как же ты не вовремя...

Хочется резко ответить «нет» и уйти. Но вдруг я действительно пропустила его фамилию? Не хочу снова стоять перед Валентиной с виноватым видом и смотреть в пол.

– Сейчас проверю, – нервно отвечаю и начинаю торопливо просматривать несчастный список. – Ваша фамилия?

Пожалуйста, пусть тебя там не окажется!

– Коновалов, – спокойно произносит парень.

Я быстро пробегаю глазами по бумаге и с досадой вижу его фамилию.

– Да, вы есть, – честно признаюсь, чувствуя раздражение. Бросаю быстрый взгляд в сторону Мая, оценивая расстояние. Успею ли я уйти незамеченной? – Когда я подходила, вас не было на месте.

Нет, уже не успею.

Наши взгляды встречаются. Я отчаянно надеюсь, что он не узнал меня, не разглядел. Но Май прищуривается, внимательно смотрит в мою сторону. Я тут же отворачиваюсь, натягиваю на лицо улыбку и делаю вид, что совершенно спокойна.

Опять он.

Только бы не подошёл. Только бы не начал выговаривать мне за то, что я работаю на его противника. Май и Романов могли бы сотрудничать, это выгодно обоим. Но их упрямые характеры и личная неприязнь постоянно мешают...

– Да, я был на перерыве, – объясняет Коновалов.

– Подпишите здесь, – лепечу, стараясь выглядеть дружелюбной.

Парень ставит свою подпись, и я сразу же ухожу в кабинет бухгалтерии. Отдаю Валентине бумаги, не слушая её комментариев, и падаю на своё рабочее место.

В голове крутится только одна мысль: визит Пятницкого сюда явно не к добру.

Глава 9. Май

Мерещится что ли? Опять.

После вчерашнего как застыла в глазах, так и осталась.

Вот и стоит теперь опять вдалеке с каким-то парнем.

Пару раз моргаю, не слушая, что говорит Романов. Но образ никуда не испаряется. Это Апрелька. Точно она.

Словно беглянка скрывается в кабинете.

– Моя жена работает у тебя? – с осторожностью спрашиваю у Антона.

Додумалась пойти к нему! К нему! К мужику, что одной юбки мимо не пропустит. Ещё и тому, кого я ненавижу.

Мне надо идти с ним на контакт, но у нас не получается. Да и сегодня я пришёл к нему только потому, что у него для меня выгодное предложение.

– Бывшая, вроде? – уточняет.

– Пока ещё действующая, – цежу сквозь зубы. – Мы в процессе развода, но ещё муж и жена.

– Не заводись. Да, позвонила дней пять назад, спросила нет ли у меня места. Я нашёл одно, – говорит с издёвкой, явно надеясь задеть меня.

– Так вот зачем ты меня позвал сюда, – догадываюсь сразу, сжимая кулаки. Смотрю на дрища в костюме и хочу раздавить его за эту ухмылку, как таракана.

– О чём ты?

– Столько лет конфликтов, и ты приглашаешь меня к себе. Показать, что моя жена работает на тебя.

– Ну, – отвечает спокойно, отводя взгляд на своих людей. И отчётливо вижу, как в этих глазах играют чёртики. Сукин сын. – Просто совпадение. Так ведь бывает, да?

И переводит хищный взгляд на меня.

– Так что, поговорим о сотрудничестве?

– Мы поговорим только тогда, когда ты вдруг решишься продать это дерьмо, – обвожу помещение пальцем. И развернувшись в узком коридоре, отворачиваюсь и зло иду обратно к лифту.

Переговоры окончены.

– Не надейся, Пятницкий. Компания твоей не будет. Как теперь и твоя жёнушка.

Вмазать бы ему, да хорошенько. Но держу себя в руках, стиснув до скрипа зубы.

Захожу в лифт, остервенело жму на кнопку первого этажа.

Нашла к кому устраиваться, дурёха. Вляпалась теперь в дерьмо, под названием Романов. Как будто не слышала, какой он гнилой тип. Но всё равно пошла к нему. Назло мне.

Пусть. Сама набьёт себе шишки и всё поймёт.

Спускаюсь вниз, на парковку. Прыгаю в тачку – и в нервозе еду домой, так и не найдя нужного объяснения почему Ангелина пошла именно к нему. Да у нас куча знакомых!

На пропускном пункте немного отвлекаюсь. Охрана останавливает.

– Май Викторович, к вам женщина приезжала, – сообщает мужчина. – С пропуском. Та самая, которую вы сказали не пускать.

Недовольно цокаю.

Вот неугомонная. Мать не может дозвониться, поскольку я в открытую игнорирую её. Попыталась приехать домой, чего ей тоже не позволил. Что там дальше? Визит в офис? Хорошо, что я как раз хочу взять мини-отпуск, сгонять в отпуск и очистить мозги.

Последнее вряд ли получится, но чем чёрт не шутит?

К вечеру пытаюсь отогнать ту мысль, что Ангелина теперь работает на Романова. Вроде пытаюсь понять. Ей и правда теперь надо кормить сына. А Антон сто процентов взял бы её на работу, чтобы позлорадствовать надо мной.

Выкупить бы его дерьмо... Но он не продаст. Несколько раз уже обсуждали это. Ему больше нравится работать с моими конкурентами. Ещё и жену мою на работу принимать.

Отчего-то думаю о Павлике. Она уже рассказала ему правду? Плакал ли он? Конечно, плакал!

Если вспомнить, что мы пережили вместе... Каждый приятный момент вспыхивает в голове, даря какую-то эйфорию. Кадр за кадром. И тепло в груди разливается.

Без него дома пусто. И без Апрельки.

Не хватает шума, суеты, тепла.

Вечер среды, я уже дома, и никто не пинает меня, чтобы съездить вместе в парк и погулять.

Вместо этого сижу на диване в тусклой гостиной и потираю плюшевую макушку льва, которого Павлик оставил в машине. Я помню, как выиграл её в тире, когда ему было два года. Как он радовался, обнимал его, не выпускал из рук. И как учился рычать, так и не сумев выговорить букву «р».

А сейчас там, где я его не вижу, он наверняка ходит, плачет и грустит. Потому что папы нет рядом.

Сердце сжимается от боли.

Хоть он мне и неродной, я привязался к нему. Видел его с первого дня его жизни. Вырастил, воспитал. Радовался первым шагам, первому слову.

За неделю разлюбить его тяжело. Это сделать придётся. Но пока... Я скучаю.

Глава 10. Май

Барабаню пальцами по столу в ожидании. Я пришёл на встречу на двадцать минут раньше назначенного времени – был неподалёку.

Где Нестерова носит? Мне нельзя оставаться с мыслями одному хоть на десять минут. Начинаю жрать себя изнутри.

Мысли опять о Ангелине и Павлике. Хочу увидеть их, особенно этого улыбчивого счастливого мальчишку, но борюсь сам с собой. Мне надо выдернуть их, как занозу, раз и навсегда. Выкинуть из своей жизни, продолжить жить дальше.

И не могу.

Только собрался в отпуск – как позвонил знакомый. Савва Нестеров имеет свой штат юристов, к которым я частенько обращаюсь. Всегда помогал мне, не отказывал в помощи. А теперь у него появилось ко мне какое-то предложение.

Неинтересно, но лучше, чем валяться на шезлонге на море, к которому отношусь параллельно. Мне бы горы, природу, палатки. С любимой.

Нет, никакой любимой. Обида во мне сильнее, чем обожание к ней.

Наконец на горизонте мелькает знакомая фигура.

– Давно ждёшь? – спрашивает Нестеров, отодвигая стул.

– Только пришёл, – отвечаю, поглядывая на часы и делая

глоток кофе. Я тороплюсь на самолёт. – О чём хотел поговорить?

– Есть одна компания, – начинает он издалека. Бизнес, бизнес. Как всё это неинтересно, пресно. – Занимается добычей и обработкой металлов. Тебе, как ювелирному гению, это должно быть интересно.

Потираю щетинистый подбородок. Когда он таким был? Всегда гладко выбрит, потому что у Апрельки раздражение на лице от моей щетины. А с бородой меня пугается ребёнок.

А есть теперь кому целовать? Пугаться? Нет, это в прошлом. Теперь буду отращивать.

– У меня есть документы, которые быстро приведут эту компанию к банкротству, – кое-как доносится до меня. Млять, Пятницкий, соберись. – Ты сможешь выкупить её по дешёвке, закрыть долги и получить рабочую лошадку.

О чём он там? Ах, да, компания по обработке и добыче металла.

От одного направления готов раскрошить все зубы в порошок.

Опять вспоминаю этого слизняка, что позвал меня посмотреть на Ангелину. Козёл бровастый.

От злости на всю эту ситуацию, выслушав Нестерова, подаюсь вперёд и кривлюсь.

– Слушай. Мне сейчас не до этого. Голова совсем не варит. С женой проблемы. После банкротства поднимать этудохлую лошадь нет никаких сил. Кусок, конечно, лакомый,

но не потяну.

Особенно тогда, когда работать не могу. Своё бы не про-
срать.

– Без проблем, – кивает Нестеров. – Я первым делом при-
шёл к тебе. Думал, заинтересует. Но ничего страшного.

Ценю. Мы с ним в хороших отношениях. И будь я сейчас
в другой ситуации – купил бы, не раздумывая. Иметь свое
лучше, чем сотрудничать с другими.

– Есть ещё пара человек, которые с радостью купят ком-
панию Романова.

Романов.

Это фамилия звоном раздаётся в голове.

Резко выпрямляюсь, словно отрезвев и выгибаю бровь.

– Романова? Это того смазливового, у которого жена блон-
динка? – уточняю. Мало ли их в городе развелось? Помню,
что у этого уроды жена хорошая была, держит свой магазин
детской одежды. Ангелина частенько закупалась там, пища
от восторга. А потом этот козёл изменил ей. Но это не суть.

– Без жены, – холодно отрезает Савва. – Просто смазли-
вого. Но да, это тот самый Антон Романов.

– Беру, – резко соглашаюсь, без раздумий.

Он удивлённо взмахивает папкой, явно считая меня ума-
лишённым.

– Даже не посмотришь, что внутри?

– Плевать, – вновь постукиваю пальцами по столу и делаю
глоток кофе. – Я выкуплю его компанию. Хоть завтра.

Не знаю, зачем. Пока этот бизнес мне не нужен. Я бы мог основать его сам, перестав сотрудничать со всеми, но мне и так хватало головной боли. Хотелось видаться с семьёй, а не жить на работе.

И сейчас мне это не надо.

Правда есть одно «но». Теперь там работает Ангелина.

Это ключевой фактор, почему я хочу этот хлам себе. Не из-за Романова, что много выпендривается. А из-за Апрельки.

И сам не знаю зачем.

Выкуплю я это дерьмо и что? Каждый день смотреть на неё? Делать себе больно? Мазохист проклятый.

Да она уволится в первый же день!

Неважно, всё это неважно. Придумаю потом. Главное сейчас – заполучить эту помойку в свои руки.

– Завтра вряд ли получится, – усмехается Савва. – Дай мне неделю. Может, две.

– Неделю, Нестеров, – смотрю на него с напряжением и нетерпением. – Мне это позарез нужно.

Как будто она убежит... А вдруг убежит? И что? Это не должно волновать тебя, Пятницкий!

Говорю себе – и действую ровно наоборот.

– Почему вдруг передумал? – спрашивает любопытно Савва. Несвойственно ему. Но моё поведение неадекватное. И при мысли о Романове я опять стискиваю зубы.

– Моя жена устроилась к нему на работу. Мы сейчас раз-

водимся, — коротко выпаливаю, опуская подробности нашего расставания. — Впрочем, это уже мои проблемы.

— Если понадобится хороший юрист, я к твоим услугам.

Я помню, что он любит помогать мужикам избавиться от их баб-наседок, что после измены хотят отцапать себе пол имущества. Любит он гасить женщин. Мужик со странностями — в перчатках ходит. Болезнь у него какая-то.

— Возможно, понадобится. Хотя надеюсь, до жести не дойдёт, — говорю честно.

А в голове всплывают слова Ангелины, где настроена она серьёзно.

— Как знаешь, — убирает папку на край стола. Даже не интересно, что там. Мне важен итог. — Позвоню, когда всё будет готово.

— Буду ждать, — кидаю в нетерпении и встаю из-за стола. — Ещё созвонимся.

И хоть на самолёт я уже на спешу, решив остаться здесь, у меня есть ещё несколько незаконченных дел.

Глава 11. Ангелина

– А может не надо? – ноет мама, вздыхая. – Зачем ему идти в этот детский центр?

Складываю контейнер с обедом в сумку и поглядываю на время. Пока не опаздываю, но, если задержусь ещё хоть на пару минут – мне точно сделают выговор.

– Надо, мам, – говорю с нажимом. Никогда с ней так не разговаривала, но Май научил за годы в браке быть уверенной и стоять на своём. – Павлик весь день сидит дома. Ему нужно развиваться, социализироваться. А там логопед, другие дети. Это займёт всего три часа.

Моя ошибка была в том, что я не отдала сына в детский сад. Сейчас бы возила его через весь город, отдавала профессионалам и спокойно ехала работать. Но нет. Я не считала подобное нужным. Мне не хотелось расставаться со своим малышом хотя бы на полдня. В этом и была моя проблема. Максимум – я водила его в детский центр на развивашки и к логопеду. Там он занимался, играл с другими детьми, пока мы с его отцом ездили по делам.

Теперь мы без сада, но зато с оплаченными на пару месяцев вперёд занятиями. И Павлику пора размяться, ибо скоро сольётся с этой бесцветной прокуренной квартирой воедино. Сколько бы не вымывала её, не проветривала, этот запах будто уже стоит в носу.

Хорошо, что мама хоть не пьёт, и здесь нет горы бутылок, уже радуется. И на балконе курит – ругаться меньше стали.

– А мосет к папе? – с надеждой спрашивает сыночек, опустив голову и свесив ручки. Поджимает дрожащие губки и всем своим видом пытается разжалобить меня. В ход пошли манипуляции. И даже от них моё сердце разрывается на куски.

Присаживаюсь перед ним на корточки, опускаю ладони на его хрупкие плечики и поглаживаю.

– Папа ещё в командировке, он не приехал.

– Но кинделы он купил, – ловит меня на собственном вранье.

– Это он через помощника своего передал, – опять нахожу отмазку.

На душе беспокойно и больно.

С последней встречи с Маем прошло несколько дней. Я так и не узнала, зачем он приходил в компанию Романова. Сколько бы не пыталась узнать у работников – никто не в курсе. Но как рассказывают, Пятницкий задержался ненадолго. Ушёл злой, чуть не прибив Антона прямо в коридоре.

Скорее всего взбесился, что я пошла к его конкуренту. Но плевать. Мне надо жить дальше.

Первая миссия – съехать от матери, потому что Павлик начал много чихать от курева. Вторая – отдать его в садик, чтобы контактировать со сверстниками и не скучать.

А для этого нужны деньги.

– Эх, – вздыхает мой мальчик. Подаётся вперёд, целует меня в щёчку. – Утачи на лаботе.

– А тебе хорошо поиграть с другими ребятами после занятий, – ответно оставляю отпечаток красной помады на щеке. Тут же ойкаю её, вытираю и выпрямляюсь. Обращаю всё внимание на мать, и словно с ребёнком, говорю ей ещё раз: – Его к десяти в центр. Забирать в час.

– Я помню, – закатывает глаза мама. – На дуру что ли похожа?

Оставляю это без комментариев, хватаю сумку и спешу на работу. Только выйдя за порог квартиры, снимаю с себя улыбку, предназначенную для сына, и зеваю.

Как тяжело работать после декрета... Всё тело болит, не высыпаюсь, ещё и энергии ни на что не хватает.

А на что я рассчитывала, так окунаясь с головой в полный рабочий день? На который я, кстати, опоздаю, если не потроплюсь.

Сегодня без приключений добираюсь до работы. Как сонная муха дохожу до своего кабинета, чуть не засыпаю за столом. Но вовремя беру себя в руки и выпив чашечку кофе, приступаю к работе.

Матери в десять не звоню. Она всё же взрослая женщина, как-то вырастила меня. Не буду следить за каждым её шагом.

Как будто почувствовав о моих переживаниях мне приходит сообщение.

«Отвела его в твой центр. Выгляжу как бомжиха среди

всего этого. Если пойдём ещё сюда – мне нужна одежда, дай денег пойду куплю что-нибудь на рынке».

Закусываю губу. Вот не продавала бы мои подарки, сейчас бы была одета, как человек. Но и денег не дам – она их проиграть может.

«Когда у меня будет выходной, съездим вместе».

Невольно вспоминаю детство, юношеские годы. Ещё не зависимая от игр мама ведёт меня на рынок, и я натягиваю на картонке джинсы под хвалебные отзывы продавца. Давно такого не было. Последние годы Пятницкий таскал меня в основном в ЦУМ, где я всегда искала магазины подешевле.

Хм, а может продать всю брендовую одежду, что у меня есть? Неплохая идея.

– Пятницкая, чего спим? – отрезвляет меня начальница, и я, подпрыгнув на месте, клацаю по клавишам.

Время летит беспощадно быстро за обучением, что я не замечаю, как наступает пол второго дня.

Мама ведь забрала Павлика?

Нельзя проверять её, Ангелина. Она взрослая женщина!

Говорю себе это и снова делаю всё наоборот. Звоню ей и вместо «привет» слышу суетливое:

– Блин, Гель, я потеряла счёт времени.

– Что это значит?

– Что-что? – нервно отзывается она. – Забыла я про Павлика! Сиж у тётъ Марины в гостях в другом районе. Забыла его забрать. Забери, а?

– Мам... – тихо шиплю, пытаюсь сдержать злость. – Ты... Она отключается. И я чуть не разбиваю телефон о стол. Мне ехать целый час до центра! Она издевается?!

Но выбора то нет. Вдруг Павлик сейчас плачет от того, что всех деток забрали, а его оставили?

Подлетаю со своего места, подбегаю к начальнице, слёзно прошу меня отпустить. Хоть кто-то входит в моё положение, услышав о ребёнке, и я лечу со всех ног на метро. Молю его ехать быстрее, но понимаю, что сделать этого он не может.

Через час маневрирую по парковке перед детским центром.

И прямо передо мной мелькает машина со знакомыми номерами.

Дверь открывается и замечаю знакомую широкую спину, белую рубашку с закатанными рукавами и коротко стриженный затылок.

– Пятницкий? – невольно выдыхаю вслух, застопорившись. И чем привлекаю его внимание.

Человек, которого я любила наравне с сыном, оборачивается. Выгибает бровь в вопросе, но я замечаю только появившуюся щетину. Сколько он не брился?

Ангелина, ты дура? Какой брился?!

– Зачем ты здесь? – вдруг меня осеняет.

Май. Перед детским центром, в котором занимается наш сын.

– Мне позвонили, сказали, что Павлика не забрали, – отвечает он равнодушно, смотря на меня сверху вниз. Сейчас этот взгляд кажется таким высокомерным, что хочется зарядить ему каблуком по ноге.

Теперь ясно... Сына всегда с развивашек забирал Май. Ему было проще, чем мне, человеку без прав и машины. И сколько бы раз муж не уговаривал меня пойти отучиться на права, я до жути боюсь садиться за руль.

– Приехал забрать.

Да вы что!

– Не утруждайся, – цежу сквозь зубы. – И не трать время. Зачем тебе забирать чужого ребёнка?

Не перестану напоминать ему то, что он сделал.

Или думал я забуду обо всём спустя неделю?

– Мне было по пути.

– Спасибо, молодец, но больше не проявляй инициативу. Он тебе никто, сам так решил, не так ли?

– Я понимаю твою злобу. Но не мог же я забить хрен на это?

– Мог. Как и на пять лет брака.

Пытаюсь пройти мимо, но он только преграждает мне путь своим телом. Находясь в близости, невольно вдыхаю головокружительный аромат, который раньше так и обожала.

– Пропусти, – буквально требую, не глядя в его лицо. – И убирайся отсюда. Не хочу, чтобы Павел тебя увидел. Он думает, что ты в командировке.

– Ты ему ничего не сказала?

– А как ты себе это представляешь? – вскидываю на него разъярённый взгляд. – Твой отец подумал, что твоя мама шалава и сделал тест-ДНК. А потом отказался от тебя. Так ты мне предлагаешь ему сказать?

– Нет.

– Вот и всё, Пятницкий, свали с дороги, – зло толкаю его в сторону, прямо в чужую машину, отчего срабатывает сигнализация. И пока он отвлекается на это, юркаю под его рукой и бегу к зданию. Спасибо, что у Мая такое большое тело, а я бываю шустрой.

Поднимаюсь по лестнице, забегаю в помещение, и надеюсь, что Пятницкий вот-вот уедет. Иначе как мне вывести сына?

Он должен уехать. Ему же не нужен чужой ребёнок?

От этой мысли тошнота к горлу подкатывает.

Это всё ещё травмирует. Всё ещё выворачивает наизнанку. И до сих пор хочется плакать. От его поступка, от его отсутствия рядом.

Но ненависть сильнее любви.

Теперь я люблю только одного мужчину. И это – мой сын. Который сразу после моего прихода видит меня из детской комнаты с окнами и машет мне рукой. Прошу прощения у девушки на регистратуре, что задержалась, и получаю утешающие слова.

Мне отдают моего Павлушу, который ни на секунду не ис-

пугался. И в безвыходной ситуации везу его к себе на работу, на всякий случай выйдя через второй вход, чтобы Павлик не увидел отца.

Глава 12. Май

Май

Надо было сразу позвонить Ангелине, чтобы она забрала Павлика из этого проклятого детского центра. Зачем поехал сам? Я был недалеко и не было несложно.

Кого ты обманываешь, баран?

Ты просто хотел его увидеть. Соскучился по этим пухлым щекам, курносому носику и карим глазам-пуговкам. Хотел увидеть то, как он с разбегу бросается на меня, крича «папа». Последнее слово режет словно тупая пила по телу, но даже это не останавливает меня.

Вот и ничего не сказал Геле, хотя мог ей позвонить. Но она сама приехала, нарушив мои планы.

А я не знаю, как реагировать. Я злюсь. На её слова, на её поведение. Но, с другой стороны, понимаю, что это я веду себя, как идиот. Сначала выгоняю её с ребёнком из дома, а потом ищу с ним встреч.

И меня здесь быть не должно.

Да только бесит всё.

Запрыгиваю обратно в тачку, отъезжаю от центра. На повороте набираю Нестерова.

– Как дела там с Романовым? Когда я могу купить его компанию?

Да сказал бы я себе эту фразу две недели назад – перестал

бы уважать сам себя.

А тут собрался покупать его дерьмо.

– Начал дело. Наблюдаю.

Скорее бы. У меня уже не хватает терпения. Да чтобы Пятницкая работала на Романова... Дикость.

– Держи в курсе дела.

Через час я уже в офисе. Захожу в кабинет, сажусь за стол и начинаю изучать документы на подпись. На часах три дня. Вряд ли Рома сейчас ворвётся и скажет, что всем пора домой.

На очередной подписи дверь резко распахивается. Слышу цокот каблучков, но не поднимаю головы. Скоро будет весело. Но я все равно занимаюсь своим делом.

Знакомый резкий аромат духов заполняет кабинет.

– У тебя хоть капля совести есть? – с порога начинает мать. – Видел бы тебя отец с того света! Родной матери запретил появляться у себя дома!

– А у тебя совесть есть? – спокойно отвечаю я, не отрываясь от бумаг.

– Вот так ты разговариваешь с матерью? Я тебя растила, работала как лошадь, ущемляла себя во всём! А ты так благодаришь меня? – мельтешит перед глазами.

– Благодарят за что-то полезное. Это не про тебя.

– Я тебе глаза открыла! Сколько бы она ещё водила нас за нос? – мать резко садится в кресло напротив меня.

Меня передёргивает от её слов.

– Я не просил тебя открывать мне глаза. Мне прекрасно жилось в розовых очках. Теперь, благодаря тебе, я ненавижу собственную жену.

– Да она просто деньги из тебя тянула! Тебе что, нравится воспитывать чужого ребёнка? – с презрением бросает мать.

В груди что-то ноет из-за одного упоминания про Пашу. Поднимаю на неё испепеляющий взгляд.

– Я не просил тебя открывать мне глаза, – чеканю, разъярясь всё сильнее. – Мне прекрасно жилось в розовых очках. А теперь, благодаря тебе, я ненавижу собственную жену.

– Да она же просто деньги из тебя тянет! Тебе приятно воспитывать чужого ребёнка?

Я раздражённо бросаю ручку на стол. Она с глухим стуком катится по гладкой поверхности и падает на пол. Я не успеваю ответить, мать продолжает, не давая вставить ни слова:

– Думаешь, для меня это не удар? Я её как родную дочь любила! А она, наверное, со своим Димкой развлекалась. Помнишь, как ласково она с ним общалась? Как обнимались они?

– Она со всеми так себя вела, – цежу сквозь зубы, неожиданно для себя защищая жену. Я получил отрицательный тест. Это доказательство её измены. Но почему-то продолжаю оправдывать её: – Во время беременности она стала ласковой. Со всеми. И постоянно мёрзла.

– Это просто прикрытие! Вспомни, как она...

– Хватит! – резко обрываю её, вскакивая из-за стола. –

Кто тебя вообще сюда пустил?

Мать замолкает, её лицо меняется. В глазах появляются слёзы, голос становится обиженным и дрожащим:

– Вот до чего мы дожили... Родную мать не пускают к сыну. Разве я это заслужила?

Я знаю, что сейчас начнётся спектакль. Слёзы, упрёки, обвинения. Я не хочу этого слышать.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – говорю прямо и резко.
– Не сейчас. Ты влезла в мою жизнь без разрешения. Будь добра, уйди отсюда.

– Слышал бы тебя сейчас твой отец...

– А знал бы он, что делаешь ты, – перебиваю её холодно.

На секунду в комнате повисает напряжённая тишина. Мы смотрим друг на друга, словно противники. В моём взгляде – злость и раздражение, в её – упрямство и обида, смешанная со слезами.

Я отвожу взгляд и нажимаю кнопку селектора на столе:

– Сообщите охране, чтобы Пятницкую Любовь Степановну больше не пускали в мой офис.

– Значит, так. Решил ещё и мать потерять? Ну и иди ты, Май...

Она резко поворачивается и выходит, громко стуча каблуками по полу. Я стою неподвижно, пока звук её шагов не стихает за дверью.

Поднимаю голову к потолку и тяжело вздыхаю.

С каждым днём становится всё только хуже.

Глава 13. Ангелина

– Получилось! – расцветаю прямо на глазах, держа в руках распечатанную идеальную таблицу. Жалко, что на неё ушло двое суток, тысячу проверок и теперь смело могу вручить её начальнице.

Но так и хочется, чтобы хоть разочек меня похвалили. Особенно после всех ругательств и неудач.

– У меня всё готово, – подбегаю к Валентине Николаевне.
– Проверите?

– Положи здесь, – нервно отзывается она, всё перебирая какие-то бумаги с самого утра.

– Хорошо, – кладу на край стола и мой отчёт тут же заваливается стопкой листов.

Что-то странное происходит. Никогда эта женщина так не суежилась.

Обычно с утра она уверенно заходит в кабинет, раздаёт указания. А сегодня вбежала, словно вихрь и давай шерстить документы.

– Что-то случилось? – на свой страх и риск интересуюсь, прекрасно видя её состояние.

– Да случилось, – зло выпаливает, не глядя на меня. – Под Романова копает кто-то. Слили важные данные, которые могут здесь всё коту под хвост пустить. А я только половину ипотеки закрыла...

– Оу. И что вы теперь ищите?

– Не мешай, Пятницкая. Начну думать, что это ты своему муженьку помогаешь.

Губы распахивается в удивлении.

– Вы сейчас серьёзно? – не скрываю своего возмущения.

Нет, эта работа важна мне, как и взаимоотношение с коллегами, но это перебор. Терпеть к себе такого отношения я не собираюсь. Меня больше ничего не связывает с Маем.

– Да нет, – тут же понимает, что сказала и поднимает на меня извиняющийся взгляд. – Скорее всего бывшая жена Романова, Марина Витальевна. Нет, я её понимаю, муж у неё козлом оказался, но мне никак нельзя терять это место!

– Но ведь проблемы не означает закрытие компании?

Мысленно уже ищу пути отхода. Сколько стоит отложить, где сэкономить, чтобы были сбережения во время поисков другой работы. Подобную я вряд ли найду с такой зарплатой...

– Кто знает. В худшем случае – банкротство. В лучшем – продажа кому-нибудь. Но кому эта проблема нужна будет?

Все её слова вызывают страх и неуверенность в завтрашнем дне. Вот бы успели зарплату перечислить, а там что-нибудь придумаем.

Возвращаюсь обратно за своё рабочее место и поглядываю на телефон. На экране светится от счастья личико моего сына. И ради него я должна не унывать и не впадать в хандру. И если бы не он, я всё ещё сидела бы в депрессии из-за

очередной стычки с Маем.

Пару дней назад всё обошлось. Я спокойно забрала Павлушу, по пути отдала своей непутёвой матери и поехала на работу.

Меня на секунду осеняет. А может это Пятницкий решил проучить Антона и устроил всю эту заварушку? Да нет, зачем ему? Только потому что я здесь? Но какая ему разница?

Нет, скорее всего это Марина. Если бы со мной так же поступил бывший муж, как он с ней – я бы сделала так же.

Прогоняю все мысли и возвращаюсь к работе.

К вечеру страсти не утихают, начинаются перешёптывания и переговоры. Многие паникуют, как и я.

Валентина Николаевна постоянно пьёт корвалол, бегает в кабинет босса. Некоторые обязанности она переложила на меня, благо за эти полторы недели я освоилась и многое умею. Даже сделала несколько отпускных выплат.

На следующий день атмосфера в офисе не меняется. Как и последующие.

Я параллельно ищу новое место работы.

С такой зарплатой нигде нет ничего хорошего, из-за чего я переживаю.

Кликаю мышкой, просматривая новую вакансию.

Дверь кабинета вдруг распахивается, и я быстро закрываю браузер, боясь, что увидят моё преждевременное дезертирство. Бегу, как крыса, с тонущего корабля. Но у меня есть причины. Сын, который хочет кушать.

Первый в кабинет влетает Романов. Я не видела его несколько дней, видимо, он решал проблемы.

За ним моя начальница.

– Вот она подписи ставила, – говорит чересчур эмоционально, тряся рукой и показывая ею на меня.

Чего? Что? Какие подписи?

Волнение тут же подкатывают к горлу, и я словно прирастаю к стулу.

– Что случилось?

– Что случилось? – ревёт Романов, зло ударяя кулаком по столу и наклоняясь ко мне. – Ты видела, куда ты бабки перевела и сколько?

Вздрагиваю от хлопка и его ора.

Минусы жить с пять лет с нормальным мужчиной – он никогда не повышал на меня голос, не поднимал руку, из-за чего я сильно расслабилась. И сейчас терпеть это на себе непривычно. И страшно.

– Да, я всё проверяла, – говорю уверенно, хотя готова размазаться в лепёшку. Я и так делала много осечек, но все их исправляла. А уж с финансами была внимательно так, словно это мой собственный ребёнок. – Все чеки у меня. Могу показать.

Мельком поглядываю на недовольную Валентину.

Она ведь всё прекрасно знает!

– А это что?

Он кидает мне распечатку, где на знакомую фамилию, ко-

торой я пару дней назад делала выплату, стоит космическая сумма. Но я прекрасно помню, что отправляла другую!

— Здесь какая-то ошибка, — хмурюсь, тут же хватаясь за мышку и открывая программу. Среди списка нахожу нужного человека, и я с уверенностью готова зачитать настоящую сумму, но осекаюсь. Там стоит далеко не пятизначное число.

Глаза на лоб лезут, а рука немеет, отпуская мышь.

— Я не делала этот перевод, — пытаюсь защититься. — Валентина может это подтвердить.

— У меня в документах написана ты, — давит на меня Романов. — Ты и будешь расхлёбывать всё это, но бабки мне должна вернуть. Делай, что хочешь. Иди к Пятницкому, вайся у него в ногах, но, чтобы завтра деньги были у меня!

Глава 14. Ангелина

– Мам, а тё с тобой? – взволнованно спрашивает Павлуша, схватившись за край одеяла, которым я укрылась от озноба.

– Всё хорошо, милый, – говорю ему через силу, и погладив по шелковистым волосам, прикрываю опухшие от слёз глаза. Вчера я весь вечер прорыдала. После того, как вернулась с работы без результатов. Мне не удалось обелить своё имя и найти виноватого. Да и слушать меня отказались.

Повесили долг в семь миллионов на меня...

И ещё вчера прекрасно поняла, что меня подставили. Грязно и жестоко.

У Романова проблемы, ему нужны деньги, а тут подвернулась я. Лохушка после декрета.

С бывшим богатым мужем.

Сама, дура, виновата... Знала, что Антон скользкий тип. Но все равно пошла к нему, надеясь, что не увижусь больше с Пятницким.

Как же я ошибалась...

И ведь я теперь в безвыходной ситуации. Романов не согласится подождать. Да и зачем? Я не найду таких денег. Да что уж там говорить – никаких не найду. Нам бы свести концы с концами до зарплаты. Которой, возможно, не будет.

И вчера я даже смирилась с мыслью, что придётся идти к Маю, видеть его пренебрежительный взгляд, просить де-

нег, а сегодня... Слегла с давлением. Перенервничала, отчего тошнит, кружится голова и знобит всё тело.

И самое паршивое – сын это видит, тихонько сидит у старого дивана и не шумит, боясь, что побеспокоит меня. И найти в себе силы и встать не могу.

Боже, ну почему я пошла именно к Антону? Лучше бы посуду в ночном клубе по ночам мыла!

Слёзы выступают на уголках глаз, и я не сдерживаясь, тихонько, без надрыва, плачу.

Поздно уже что-то исправлять. Ты по уши в дерьме, Ангелина.

И у меня есть день, чтобы что-нибудь придумать. Сегодня я с трудом выбила себе выходной, предупредив Валентину, что мне надо время для поиска денег. Кое-как сжалившись надо мной, она выбила мне отсрочку до завтра.

И хоть она замешана во всём этом, явно не желая терять тёплое место, на мгновение я была ей благодарна.

– Ну как вы тут? – раздаётся мамин голос из коридора вместе с шуршанием пакетов. Надеюсь, она купила то, что нужно, а не потратила деньги в пустую. – Я покушать принесла.

С облегчением выдыхаю, когда вижу два пакета с продуктами.

Хоть она сегодня не чудит.

– Мама опять платет, – грустно проговаривает сыночек, играясь с конструктором. – Давайте посвоним папе? Он все-

гда маму успокаивал.

– Папа занят, – отвечает за меня родительница. – Как освободится, обязательно позвонит.

Павлуша чуть успокаивается и затихает.

Я весь день лежу в постели, сплю и пытаюсь найти решение проблемы.

На следующий день еду в офис, надеясь, что смогу поговорить с Романовым. Мы оба знаем, что это ошибка. И не моя. Возможно, его обманула Валентина? А я смогу доказать, что это не моя вина.

Надежда, надежда, надежда... Это всё, что у меня сейчас есть.

Переступив порог, вся съёживаюсь от чужих взглядов и шумов. Неужели все уже знают?

Кто-то тут же отворачивается, кто-то перешёптывается.

А одна девушка так вообще подбегает ко мне с разбега, мило улыбаясь:

– Прекрасно выглядишь, Ангелина. Хочешь кофе?

Отрицательно мотаю головой, и ошеломлённая захожу в уже породнившийся мне кабинет, который в последние дни стал для меня пыточной. Закрыв дверь, за ней продолжает стоять тот самый гул. Все до ужаса возбуждены.

– Что происходит? – спрашиваю вслух у Валентины, что опять нервно перебирает бумаги. Может, мне стоит уйти домой, чтобы не повесили ещё одну сумму?

– Ликуй, Пятницкая, – вдруг выдаёт она. Тут же бьёт се-

бя по губам и обращается уже вежливее и уважительнее: – Точнее, поздравляю тебя, Ангелина.

– С чем? – ставлю сумку на стол и пытаюсь собрать мысли воедино. Не с тюрьмой же она меня поздравляет?

– Ты не слышала? – выгибает бровь. Опять слабый кивок головы, и Валентина продолжает: – А, тебя же вчера не было. В общем, вечером, после того как ты ушла, здесь была целая проверка. Шманали нас так, будто мы как минимум преступный синдикат. Перерыли у нас здесь всё. Ну, Антон и попался на финансовых махинациях. Плюс лицензии у него не было одной. Забрали его в тот же день. Что сейчас с ним – непонятно. А вчера...

Я присаживаюсь, чтобы не упасть.

Да ладно? Быть не может!

– Вчера приехал сюда один мужчина. Хороший такой, я слюни еле подтёрла. И сказал, что новый владелец, представляешь?

Новый владелец... То есть Романов перепродал компанию? Или что?

– И кому я теперь должна эти семь миллионов? – спрашиваю с придыханием.

– Ой, не знаю, должна ли, – отвечает задумчиво. – Тебе это лучше с ним переговорить. Он сейчас в кабинете Антона. Можешь сходить к нему.

Я резко поднимаюсь со стула, цепляясь за возможность всё решить.

Хоть бы он мне поверил!

– А ещё... Может тебе повезёт. Вы однофамильцы. Он тоже Пятницкий.

Застываю, не дойдя до двери.

Что она только что сказала?..

– Пят-ницкий, – с трудом выговариваю свою фамилию.

– Ага, Май Викторович. Если честно, многие задумались, не сестра ли ты ему, или жена, но подумали-подумали, решили, что будь у тебя такие богатые родственники, ты бы здесь не работала.

– Не работала... – повторяю за ней всё ещё в шоке.

Ладони рефлекторно сжимаются в кулаки.

Это он. Точно мой муж.

Но зачем ему это? Это он устроил проверки, затем накинул проблем на Антона, стал моим начальником. И всё для чего?.. Чтобы уволить меня с работы? Ему настолько не жалко Павлушу, которого он растил столько лет?

Но другого объяснения у меня нет! Он ненавидит меня!

Никогда не думала, что Май такой мстительный.

Выбегаю за дверь и широким быстрым шагом направляюсь в кабинет начальства. Мысленно прокручиваю в голове всё, что ему скажу.

Секретаря на месте нет, поэтому я без стука влетаю в кабинет. До ужаса злая и нервная. За эти дни моя жизнь и здоровье настолько пошатнулись, что мне уже ничего не страшно!

Стоит только переступить порог, как Май, стоя у шкафа с папками, невозмутимо переводит взгляд на меня.

– Вовремя, – сухо произносит. – Как раз хотел поговорить с тобой.

– Что, не терпится уволить меня? – выпаливаю в злости.
– Май, что ты творишь?

Я готова задохнуться от гнева прямо здесь.

– Ты сам выгнал меня из дома, а теперь постоянно лезешь в мою жизнь! Тебе мало моих стр...

– Апрелька, – грозный голос прошибает с головы до ног. В голове мелькают отголоски прошлого, где он произносит меня так ласково, нежно. А не как сейчас.

– Ангелина Константиновна, – чеканю, поправляя его. А что, мне терять уже нечего. Всё равно путь один – на выход с вещами. Меня уже выгоняли – мне не привыкать.

– Ангелина Константиновна, не забывайтесь в кабинете своего босса. Я здесь как новый владелец, а не как ваш муж. И пока я не собираюсь увольнять вас, если конечно, вы и дальше не будете с ходу врываться в мой кабинет.

Стискиваю зубы.

Он издевается!

– Неужели вы и правда считаете, что я и дальше буду работать здесь?

– Будешь, – произносит с нажимом. – Я никак не собираюсь тебе мешать.

Так и хочется выкрикнуть «не верю». Но Май – человек слова.

– Тогда зачем вы хотели поговорить? – обхватываю себя руками, чуть утихая. Ладно, надо успокоиться. Эмоции не приведут ни к чему хорошему.

Возможно, он и правда купил компанию не из-за меня? Он говорил, что ему будет выгоднее иметь свой завод по обработке металла, чем сотрудничать с кем. А тут Романов. К нему в придачу ведь не только рабочий этаж и новые подчинённые, но и завод полагается.

Я себя накрутила? Да не может быть всё так просто!

– Мне доложили, что ты должна была Романову деньги.

Дерьмо.

– Да, и я всё выплачу.

– Не стоит, мой специалист всё проверил. Всё чисто, ты никому ничего не должно.

Сердце падает в пятки, а дыхание замирает.

Правда?

Я готова разрыдаться от счастья, но не перед Пятницким. Хотя желание подлететь к нему, обнять и просто сказать «спасибо», мелькнуло где-то вдалеке.

– Антошка видимо напоследок решил поиметь с тебя денег, – усмехается, отставляя папку на полку. – Главный бухгалтер помогла подделать документы.

– И ты теперь её уволишь?

– А ты хочешь работать с человеком, что подставил тебя

на крупные бабки?

Обхватываю себя руками.

Нет, теперь я точно не смогу ей доверять.

Но мельком вспоминаю, что у неё ипотека. Как она хваталась за эту должность. У неё есть свои ценности, из-за которых она пойдет по головам. У меня моё сокровище – сын. Будь я на месте Валентины, я бы сделала ради него так же.

Но... Я не на её месте.

– Вы босс, вы и решайте.

Не хочу быть ответственна за чужую жизнь.

– Я вас услышал, Ангелина Константиновна, – хмыкает, отходя от шкафа. – Можете идти работать.

От потрясений киваю, выхожу из кабинета. В голове ещё тысячу вопросов, но всё, что меня сейчас волнует – я никому и ничего не должна. Никакой ошибки не было, и я просто зря заставила сына волноваться.

Но что мне теперь делать с работой?..

Как контактировать с Валентиной дальше, зная, что это из-за неё я пролежала целый день в постели, мысленно садясь за решётку?

Уж не знаю, как с первым вопросом, но со вторым проблема решилась сама по себе. Через двадцать минут после нашего разговора с новым владельцем и по совместительству моим мужем... Валентина была уволена.

Глава 15. Май

Ангелина всегда удивляла меня умением найти приключения на свою очаровательную задницу. Дома она часто косячила, делая бытовые дела. С проблемами посерьёзнее бежала ко мне, плачась и прячась у меня в груди.

В эти моменты я ощущал себя настоящим героем, что помогал любимой женщине. Скалой, за которой она могла спрятаться от бушующих волн. И мне нравилось её оберегать, видеть благодарность в её глазах и ощущать её на себе ночами.

И даже здесь она умудрилась вляпаться в дерьмо под именем «Романов». Но на этот раз она не прибежала ко мне, сломя голову, слёзно прося о помощи. Не успела? Или не планировала?

Скорее второе, учитывая, как мы разошлись.

О её долге я узнал ещё вчера, подписав документы о покупке. Не поверил, что она за две недели могла так накосячить.

А потом и Валентина рассказала правду. Что сразу после того, как Антон почуял, что пахнет жареным, решил выбить бабки у неё. Богатый муж, все дела.

Напуганная Геля побежала бы ко мне, взяла денег и отдала Антону, который со спокойной душой пошёл бы спать, обманув девчонку.

Но не вышло. Ангелина не пришла, а сам он вряд ли сможет теперь спокойно спать, как минимум, до суда.

Проблем у него оказалось выше крыши. Как уж Нестеров о них узнал – даже не догадываюсь.

Да и не надо мне. Я заполучил своё.

И что дальше?

До сих пор не понимаю, зачем мне эта спонтанная покупка.

От бывших надо избавляться. Бежать от них, сверкая пятками. Чтобы не давили на открытые раны.

А я что? Идиот, который сам вонзает себе в рану нож.

Утешаю себя тем, что несмотря на всю ненависть к ней за предательство, чувства к ней всё ещё тлеют. Нельзя просто так загасить чувства, горящие столько лет.

В какой-то мере я был рад увидеть её. Узнать, как у неё дела. Хреновые, мать твою.

И что мне с ней делать? Делать главным бухгалтером? Нет, нельзя. Бывшая бывшей, но эта компания и правда дохлая лошадь, особенно после вскрытых подробностей. Надо восстановить пробелы, из-за которых у Антона были проблемы. Для этого нужен свой человек – придётся дергать своего главного буха. Пусть занимается этим, подучивает Ангелину.

А я не буду лезть к ней.

Просто обеспечу стабильность, деньги. Не для неё, а для ребёнка. Павлик не виноват, что его мать сходила налево.

И к этому я пришёл спустя только две недели одиночества, баран.

Да, мне хочется его увидеть, обнять, поцеловать. Он рос на моих руках четыре классных года.

Если мне так паршиво, то какого сейчас ему? Я для него был отцом. Всем. Он не знает, что не родной мне, да и смысла говорить нет в таком маленьком возрасте. Но он скучает.

И я бы встретился с ним, подарил игрушек, сводил в парк, поиграл бы с ним, как раньше, но... Геля. Вряд ли сейчас она вообще позволит его увидеть.

Будь на её месте – сам бы не дал подобному случиться.

Помню, как она ушла из детского центра через второй выход. Я прождал двадцать минут у входа, так никого и не увидев. Просто хотел взглянуть на него. Он хорошо кушает? Может, похудел? Без его пухлых щёк он не Павлуша.

Такую тяжесть в груди ощущаю, что сдохнуть хочется. Скучаю по нему.

И каждый раз пытаюсь отрезвить себя тем, что в нём течёт чужая кровь.

Да только это перестаёт срабатывать, чёрт побери.

Отрываюсь от стола, поглядывая на время. Засиделся я здесь сегодня, хотел уйти пораньше, но этот бардак оказался куда хуже, чем я думал.

Выхожу из кабинета, шагаю по полупустому этажу. За окном уже темень.

На улице вдыхаю влажный после дождя воздух.

Взглядом ищу машину, вспоминая, куда её поставил.

Нашёл.

Хмурюсь, завидев знакомую фигуру неподалёку. Ангелина.

Резко останавливаюсь, когда к ней подходит какой-то доходяга, приобнимает за талию.

А это что ещё за мужик?

Глава 16. Ангелина

Выхожу с работы и ёжусь от прохлады. Забыла кофту в кабинете, но возвращаться боюсь. Вдруг пересекусь с Пятницким?

Я не знаю, как вести себя с ним. Увольняться мне сейчас нельзя, нужно продержаться как минимум две недели, чтобы получить зарплату за полный месяц.

А потом найду что-нибудь другое. Работать на своего бывшего мужа не позволяют принципы и обида.

Я и так в порыве написала заявление на увольнение. А потом, вспомнив о Павлуше, спрятала его в нижнем ящике своего стола.

Надо немного потерпеть. Стараться не пересекаться с ним и всё. Сидеть в кабинете, учиться и учиться, чтобы на следующем месте работы я не была таким валенком, как сейчас.

Но так невыносимо тянет на душе.

Я сомневаюсь, что делаю.

Может стоит собрать свои вещички уже сейчас? А что делать потом? Сосать палец, как говорит мама?

Нет, нельзя.

Семеню ногами на каблуках, чтобы как можно быстрее дойти до остановки.

– Ангелина Константиновна, – слышу чей-то голос и мне на спину тут же падает мужская рука. Вздрагиваю, оборачи-

ваясь.

Передо мной стоит тот самый Коновалов, кажется, который в прошлый раз задержал меня возле моего кабинета во время визита Пятницкого.

И это из-за него мы пересеклись с бывшим мужем взглядами.

– Здравствуйте, – первое, что вылетает с губ. – Извините, я спешу. Боюсь дождь начнётся.

Вечер, дождь, и я одна, шагающая по нашим страшным дворам. Мне и так страшно, а тут ещё задерживают.

– Да я быстро. Хотел поблагодарить вас за своевременную выплату. Вы очень меня спасли, – широко улыбается.

– Не за что, – приподнимаю уголки губ в ответ.

Неловко. И как-то не по себе. Будто за нами кто-то следит. Так и хочется оглянуться по сторонам, но делаю шаг вперёд, желая как можно скорее добраться до автобуса.

– Я в честь этого, – торопится он за мной. – Хотел бы как-нибудь пригласить вас выпить чашечку кофе. Прогуляться в парке. В субботу, как вы на это смотрите?

– Чашку кофе, в субботу... – повторяю за ним, как дурочка. Если в дружеских отношениях – я не против, но если в романтических... Нет, нет и ещё раз нет.

Только приоткрываю губы, как отвлекаюсь на мимо почти пробегающего человека. Улавливаю мощную грудь, обтянутую белой рубашкой, и моментально узнаю быстро шагающего Мая. Шаг у него широкий, поэтому и подумала, что

кто-то бежит.

Проходит как будто не замечая меня, и направляется к своей машине, которая стоит в нескольких метрах от нас.

Теперь ясно, кто это прожигал мне спину взглядом, что та вся покрылась испариной.

– Простите, но мне сейчас не до встреч. И не до новых знакомств. Я развелась с очень тяжелым по характеру мужчиной, – специально говорю всё это вслух, прекрасно зная, что Пятницкий слышит. – И после такого я лучше до конца жизни пробуду одна, чем с таким болваном и эгоистом, как он. К вам это не относится, но сами понимаете, я ещё не готова. Ещё раз простите.

Здрав подбородак, прохожу мимо дорогушей машины Мая. Делаю вид, что не видела его.

Он же не думает, что я прощу его и мы будем общаться как друзья? Только за то, что он простил мне долг? Ну уж нет, поезд с милосердием и прощением уехал.

– А, понял, – шутливо поднимает руки вверх, отступая назад. – Отшит так отшит, но я не в обиде. До встречи на работе.

Он уходит первый, поняв, что ничего ему не светит. А я продолжаю свой путь, выравниваясь с машиной.

– Ещё не развелась, – доносится до меня недовольный голос. Слышал, значит. Ну и отлично.

– Вопрос времени, Май Викторович, – выпаливаю и уско-ряю шаг, желая поскорее убраться отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.